

567800

7-
2-
567800

~~J. II~~
2702

J. W.

Quota Eppendura?

23

198

N~~17~~ 16.

N 409

Р Б Ч Ъ,

Объ основныхъ формахъ, изображающихъ
явленія нравственной жизни, или объ основ-
ныхъ нравственныхъ должностяхъ человека,
опредѣляющихъ и степенъ нравственного
совершенствованія его, и способъ къ
достиженію его назначенія.

ПРОИЗНЕСЕННАЯ

ВЪ

Торжественномъ Собраніи

567800

ИМПЕРАТОРСКАГО Харьковского
Университета П. О. Профессоромъ Теорети-
ческой и Практической Философiи, На-
дворнымъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ
Федоромъ Чановымъ.

6934

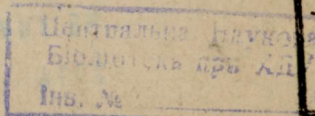
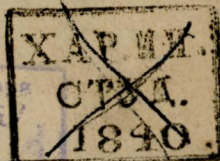
30 Августа 1832 года.

Х А Р Ъ К О В Ъ,

Въ Университетской Тилографіи:

1832.

Съ дозволенія Совѣта Университета.

НБ ХНУ

2714

*Гослоди! сниди съ небесе, виждь
и посѣти виноградъ сей, еегоже насади
десница Твоя!...*

Такъ обькли мы, призванные дѣлатели
винограда сего, возносишься къ Ошцу Небес-
ному при вспрѣшеніи дня, при вспрѣшеніи
нощи, при каждомъ начинаніи нашемъ. — Такъ и
нынѣ, преисполненные радованія и благодаренія,
въ сей вождельный день торжества нашего,
возносимъ мы изъ глубины сердець нашихъ
къ Ошцу Свѣпа и Испины благоговѣйныя мо-
ленія: да снидеть свыше на начинанія наши
благословеніе ЕГО, и да содѣлаеть и соверше-
ніе угоднымъ предъ Собою!

Да снидеть благословеніе ЕГО на мило-
сердаго, крошкаго, обожаемаго всюду и всѣми
МОНАРХА нашего со всѣмъ Августѣйшимъ
ИМПЕРАТОРСКИМЪ Домомъ ЕГО, — Имъже
славящся и благоденствующъ счастливые
сыны пространныя ЕГО Державы; да насла-
дился благотворное сердце ЕГО плодами
мудрыхъ попеченій Своихъ, устроаемыхъ во
благо сего и въковъ грядущихъ.

Да снидеть благословеніе ЕГО на начина-
ніе и совершеніе избранныхъ Царственною
властію ЕГО Правителей и Начальниковъ на-
шихъ, съ отеческою и просвѣщенною ревни-
стію уготовляющихъ юношество, подъ сѣнію

благодатной Вѣры и истекающей изъ оной Православности, перейди первую часть жизни ихъ, да послѣднюю содѣлають счастливою, на основаніи покорности, первой добродѣтели всѣхъ возрастовъ человека, и всѣхъ соспояній гражданина и подданнаго, чрезъ которую приобрѣтаются всѣ совершенства души и сердца, толико украшающія и возвышающія достоинство человеческой природы.

Благоговѣніе, священнѣйшее благоговѣніе, П. П. объемлетъ душу и сердце при единомъ о семъ помышленіи... Юношамъ даруютъ всѣ способы къ просвѣщенію разума, къ образованію сердца, и ожидаютъ за сіе опъ нихъ единого шокмо ихъ счастья! Всѣ науки, введенныя Правительствомъ въ сіе воспитанію посвященное мѣсто, подобно источникамъ, опъ разныхъ сшранъ текущимъ, сливающимся въ сей единый неизсякаемый цѣлебный пошкъ.

Къ вамъ обращаюсь я, счастливые питомцы сего святилища наукъ! Со всею душевною благодарностію, съ полною довѣренностію, съ дѣтскою покорностію и усердіемъ, въ простотѣ сердца вашего, предайтесь съ сей торжественной для васъ минувшей опеческому руководству. Успремитесь съ постоянною ревностію къ усовершенствованію себя во всѣхъ преподаваемыхъ вамъ предметахъ въ томъ благодѣтельномъ направленіи, чрезъ которое человекъ доспигаетъ назначенной ему степени достоинства, той мудрости, которая возноситъ его выше всѣхъ земныхъ швореній! Безъ сего человекъ во всѣ времена представлялся непонятною загадкою.

Безъ сего самая Исторія, сія общая школа человѣческаго рода, изображая обширныя и глубокія проницанія разума человѣческаго, приводитъ въ удивленіе, и въ тоже время повергаетъ въ уныніе и горесть, показывая намъ мудрыхъ міра сего, съ сіяющимъ свѣтильникомъ знаній, блуждающихъ мрачными пущами жизни!

Истина сія оправдана судьбами существовавшихъ и существующихъ народовъ. — Она убѣждаетъ насъ, что всѣ науки и знанія, происшедшія изъ разума человѣческаго, обольщая его суешнымъ совершенствомъ, приносятъ только болѣе или менѣе пользы къ безбѣдному прохожденію земной человѣческой жизни; съ нею начинаются онѣ, съ нею и оканчиваются! Всѣ покусенія самыхъ глубокомысленныхъ умовъ, искавшихъ въ одной суешной земной мудрости основы совершенства и счастья человѣческаго, оставили только памятники, свидѣтельствующіе о ея ничтожности. Во всѣ времена, во всѣхъ странахъ человѣкъ былъ, при всемъ блескѣ просвѣщенія, игрою спрастей и заблужденій!

Самое обширное, самое совершенное земное ученіе, какого только достигалъ человѣческій разумъ, еще мало пролиvalo свѣта на земное поприще жизни, и, между толкимъ множествомъ пущей ложныхъ, не открывало пущи истиннаго, ведущаго человѣка къ совершенству; доколѣ не возсіялъ міру Свѣтъ разума, Солнце правды; доколѣ благодатная Религія не разлила на всѣ познанія свѣта и истины, и доколѣ происшедшая изъ

нея небесная Правспвенность не научила людей проходитьъ званіе, въ какое кпо призванъ, не поспыдно и шворить волю Бога благоую и совершенную, основывающую должності челоѣка на его истинномъ счастіи. Тогда науки и пріобрѣтаемыя чрезъ нихъ познанія, при надлежащемъ ихъ употребленіи, получили благшворное дѣйствіе на счастіе жизни. Тогда открылась великая шайна блаженства челоѣческаго, и сочепала небо съ землею!

Да будунъ Вѣра и происпекающая изъ нея Правспвенность всегдашними неугасающими для васъ свѣшпилами, кои, озаряя всѣ пупи жизни вашей, содѣлаются единспвенными испочниками образованія съ самага дѣйствія вашего, и опредѣляють счастіе ея въ пріобрѣшеніи нескончаваемаго блаженства. Вѣра наспроиваетъ наши души и сердца къ совершенству духовному; она проповѣдуетъ намъ Бога, Теорца нашего бышя и всей природы, проповѣдуетъ живую, дѣятельную и чиспую Правспвенность. Вѣра и Правспвенность, служа одна другой жизнію и подпорою, сливаются въ священный характеръ одной небесной добродѣтели.

На семъ-по незыблемомъ основаніи воспользуйтесь пріобрѣшеніемъ всѣхъ преподаваемыхъ вамъ познаній, и тогда только докажете, что воспріяли доброе и полезное ученіе ваше. Тогда только почувствуете, что опкровенная, а не созданная духомъ народнымъ мудрость и чистота сердца есть испочникъ истиннаго счастія; что любовь и повиновение къ Богу, любовь и повиновение

къ ГОСУДАРЮ, носящему на землѣ образъ Божій и Власпямъ Его, и исполненіе общеспвенныхъ законовъ, должны бытъ всегдашнимъ предметомъ воли вашей, а благоразумное упопребленіе дарованныхъ Богомъ способностей, главнѣйшею должностію.

Имѣя счастіе принадлежать къ достопочтенному сословію наспавниковъ вашихъ, я, по возложенной на меня обязанности, нынѣ пользуюсь опличною честію въ присупствіи споль знаменитаго собранія мужей совѣта и разума, мужей одушевляющихъ насъ къ подражанію ихъ доблесныхъ, предложивъ вамъ *Объ основныхъ формахъ, изображающихъ явленія нравственной жизни, или объ основныхъ нравственныхъ должностяхъ челоѣка, опредѣляющихъ и степень нравственного совершенствованія его и способъ къ достиженію его назначенія.* — Не дерзаю о сихъ предметахъ говорить мужамъ, меня просвѣщеннѣйшимъ и опытнѣйшимъ, а обращаю все слово мое къ вамъ, юные питомцы сего свящипища наукъ, дабы слабыя мои усилія получили и силу и важность опъ единаго благосклоннаго участія, коимъ удоспоиваетъ насъ сіе знаменитое собраніе, представляющее взорамъ вашимъ блистательное зрѣлище заслугъ, подвиговъ, достоинствъ, — зрѣлище изобразительнѣе всего моего слова, доставляющее великое богатство поучипельныхъ примѣровъ для вашего наспавленія.

Ни одно существо, не одаренное разумомъ, не раскрываетъ въ явленіяхъ жизни своей,

слѣдовательно не чувствуетъ никакого расположенія къ истинному, доброму и прекрасному. Всякое мыслящее существо, по мѣрѣ развитія въ немъ познавательныхъ силъ, вступая въ связь съ природою, съ которою сообщается оно наиболѣе чрезъ зрѣніе и слухъ, чувствуетъ въ себѣ бореніе двухъ противоположныхъ силъ: одну, влекущую его подчинить природу своей волѣ; другую, заставляющую его покоряться ея законамъ. Въ семъ бореніи противоположныхъ силъ человекъ испытываетъ, что онъ, какъ мыслящее существо, обладаетъ внутри себя пружиною дѣятельности.

Достоинство вниманія для каждаго размышляющаго, и поучительно наблюдать теченіе непрестанно измѣняющихся формъ бытія человеческого съ измѣненіемъ его духа, и слѣдовать за постепеннымъ ходомъ его къ совершенству, къ которому онъ назначенъ по предвѣчнымъ законамъ Творца своего, вспомоществуемый и собственными, въ самомъ себѣ обрѣцаемыми силами, и всею окружающею его природою, при малѣйшей его къ тому склонности, дабы чрезъ то достиженіе цѣли содѣлалось его спяжаніемъ, а не даромъ Провидѣнія.

Идея, служащая основаніемъ Нравственности, есть идея вѣчной и безпредѣльной истины, — вѣчнаго и безпредѣльнаго блага, какъ слѣдствія ея. Идея сія, чѣмъ болѣе развивается, тѣмъ сильнѣе заставляетъ человека стараться достигати истины и приобрѣтати блага собственными усиліями; и сіи-то усилія,

продолжаемая съ поспоянною ревностію, составляющъ то, что называется образованіемъ нравственнымъ. Такимъ образомъ идеаль нравственнаго образованія представляется въ соединеніи жизни нашей съ истиною и благомъ. Расположеніе къ нимъ составляетъ существенную принадлежность нашей природы; но совершеніе возможно только подъ условіемъ свободнаго употребленія нашей самодѣятельности. Истина и благо составляютъ начало и конецъ нравственнаго образованія; посему дѣйствіе ума къ постиженію истины и спре-мленіе воли къ приобрѣтенію блага, суть двѣ первоначальныя формы жизни. И пакъ жизнь есть стремленіе бытія и дѣйствій къ цѣли ихъ. — Начало перваго есть истина, втораго благо. Умъ спремился постигнуть истину, воля рѣшается приобрѣсти благо.

Примѣненіе началъ и свойствъ Нравственности ко всѣмъ явленіямъ истинно нравственной жизни, составляютъ основныя нравственныя формы, или основныя нравственныя должности человека, чрезъ копорыя онъ можетъ и долженъ являть истинно нравственную жизнь и добродѣтель.

Изслѣдованіе человѣческой природы убѣдительно доказываетъ, что человѣчество назначено къ совершенствованію бытія своего. Тоже самое изслѣдованіе и наблюденія открываютъ, что сіе совершенствованіе безъ общественной жизни не возможно. Слѣдовательно человѣчество назначено къ общественной жизни, копорая для него посему необходима. А посему природа всячески помогала и помо-

гаесть ему соединяться въ общества, какъ для совершенствованія самихъ себя, такъ и для совершенствованія общаго гражданскаго благоустройства.

Ибо человѣчество, благороднѣйшими побужденіями, раскрывающими и всѣ способности его, и все достоинство его природы, и все назначеніе ея, отъ составленія семействъ переходить къ образованію народныхъ обществъ, а отъ сихъ возвышается къ усроенію государствъ, въ которыхъ, развивая взаимно душевныя и тѣлесныя силы, и достигая поспешенно высшихъ цѣлей: Религіи, наукъ, искусствъ, какъ слѣдствій общежитія и благоустройства общественнаго, достигаетъ возможныхъ нравственныхъ совершенствъ и всеобщаго Государственнаго благосостоянія. Такое состояніе человѣчества — есть истинно естественное, изъ его природы и назначенія ея происходящее. —

Истина сія ведетъ къ другой истинѣ, обращающейся во внутреннее чувство (*), что люди во всѣхъ приобретаемыхъ свѣдѣніяхъ, во всѣхъ дѣйствіяхъ тѣлесныхъ и душевныхъ силъ, обрацаемыхъ въ способности, — во всѣхъ дарованіяхъ природы, должны опдаться опчетъ не только самимъ себѣ, своему семейству, своему обществу, всему человѣческому роду, но и Верховному Существу, ниспосылающему

(*) Чувство сіе должно быть господствующимъ въ человѣкѣ, всегдашнимъ руководителемъ во всѣхъ мысляхъ и поступкахъ, — утреннею и вечернею его молитвою. —

оныя для употребленія съ пользою какъ для самихъ себя, такъ и для обращенія ихъ въ пользу всего человѣчества.

Основныя формы явленій истинно нравственной жизни и добродѣтели челоѣка сосредоточиваются въ основныхъ должностяхъ его къ Богу, къ самому себѣ и другимъ.

Формы, чрезъ которыя челоѣкъ можетъ и долженъ являть истинно нравственную жизнь и добродѣтель, безчисленны, и разнообразны, смотря по безчисленнымъ и разнообразнымъ его отношеніямъ во всѣхъ его возрастахъ и сословіяхъ: къ Высочайшему Творцу своему, къ самому себѣ въ разсужденіи своего достоинства, къ семейству, къ Государству, ко всему челоѣческому роду.

Всѣ сии безчисленныя и разнообразныя формы явленій челоѣческой жизни, приводя къ началамъ, можно заключить въ трихъ основныхъ правилахъ, опредѣляющихъ должности челоѣка: 1) къ Богу, 2) къ самому себѣ и 3) къ другимъ людямъ, или, поелику должности челоѣка основываются на его собственномъ счастьи: ибо исполненіе оныхъ способствуетъ его благо, а нарушеніе лишаетъ онаго, то основныя нравственные формы или основныя нравственные должности челоѣка въ разятъ основныя блага его. 1) Благо верховное; 2) Блага людей порознь взятыхъ, въ самихъ себѣ по отношенію къ нимъ разсматриваемыя; 3) Блага, истекающія изъ общественной жизни.

I.

О должностяхъ къ Богу или о верховномъ благѣ чловѣка.

Основная должность чловѣка, изъ которой проистекаютъ всѣ прочія его должности, есть познавать Бога и любить Его всею душою и всѣмъ сердцемъ (что составляетъ непосредственное и посредственное Богопочитаніе).

Поелику верховное начало и источникъ истинно нравственной жизни и добродѣтели есть одинъ Богъ, какъ Высочайше благо чловѣка: по нѣпъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что основная добродѣтель, слѣдовательно основная должность его, изъ которой проистекаютъ всѣ прочія должности, есть познавать Бога и любить Его всею душою и всѣмъ сердцемъ. Кпо позналъ Бога, и чье сердце воспламенилось живѣйшею къ Нему любовію, для того вся природа естъ дѣло рукъ Божіихъ, — совершеннѣйшее твореніе Его премудрости, благости и всемогущества. — Судьбы вѣковъ и народовъ — блистающіе слѣды благодашней воли Божіей. — Ходъ собственнй его жизни — вѣденіи Божіи. — Посему, разсмаприваетъ ли онъ видимый міръ сей, или употребляетъ предметы онаго и входитъ съ ними въ сообщеніе, всегда и во всякомъ случаѣ имѣетъ въ виду сію Божественную точку зрѣнія.

Въ семъ состоиптъ и непосредственное (внутреннее) и посредственное (наружное) Богопочитаніе. — Чловѣкъ, какъ существо

разумное, и слѣдовательно нравственное, естественнo чувствуетъ нравственные достоинства и дѣлаетъ ихъ предметомъ своего уваженія. Уваженіе сіе переходитъ въ глубочайшее почиваніе и благоговѣніе, когда предметомъ онаго есть Святейшее Существо — Богъ. Оно въ Св. писаніи весьма значительно названо *освященіемъ Божиимъ*, совершенно опмѣненнымъ опъ проспаго удивленія величію Божію, которое, не дѣйствуя на волю, можетъ состоять только въ одномъ чувственномъ ощущеніи, подобно тому образу отраженію, которое дѣлается въ зеркаль опъ предмета противъ него находящагося, и которое исчезаетъ, какъ скоро предметъ опнимается. Сіе глубочайшее почиваніе, переходящее въ благоговѣніе, называется также *страхомъ Божиимъ*, т. е. не шѣмъ рабскимъ страхомъ, который обладаетъ порочными людьми, лишенными надежды и ожидающими наказаній за сдѣланныя ими пресупленія, и который противенъ любви къ Богу и самой благодапной Религіи; но страхомъ, который есть начало премудрости; страхомъ, который состоитъ въ совершенной преданности сыновней къ Богу — Отцу, и Его святейшей и премудрой волѣ, — страхомъ, который, раждаясь опъ познанія Бога, обращается въ чувство, а сіе возвышаясь въ благоговѣніе, превращается въ чистѣйшую къ Нему любовь.

Истинное познаніе есть познаніе обращенное въ чувство.

И такъ высочайшій степенъ познанія чловѣческаго, или истинное познаніе, есть

познаніе, обращенное въ чувствіе. — Вѣра, надежда и любовь суть плоды его.

Всякое познаніе происходитъ:

1) *Предлежательно* (objective) опъ предметовъ.

2) *Подлежательно* (subjective) собственною удобопріемлемостію познавательныхъ силъ.

3) *Посредственно*, чрезъ что познавательныя силы сообщаются съ предметами, и бывающъ:

1) *Страдательныя*, опыты, — произведенныя въ умъ самими предметами.

2) *Самодѣятельныя*, умомъ составленныя безъ опытнаго дознанія.

3) *Смѣшенныя*, произведенія тѣхъ и другихъ.

Первыя суть *истинныя*. Вторыя *ложныя*; ибо умъ, не пворецъ вещей, а созерцатель оныхъ. — Третьи могутъ быть рѣдко истинны, поелику производятся не самими предметами, а образами оныхъ; и пошому называются *образными*, или *идеальными*.

Способность, производящая сіи понятія изъ образовъ, *непрестанно рождающихся въ воображеніи*: изъ сравненій ихъ одного съ другимъ; изъ опредѣленія ихъ одного опъ другого; изъ совокупленій ихъ, изъ извлекаемыхъ опъ сего слѣдствій — *есть разумъ*.

Почему же понятія разума суть понятія ложныя?

Пошому, что въ насъ есть вѣчный, Божественный разумъ первобытнаго внутренняго человѣка, и есть временный падшаго внѣшняго человѣка разумъ. — Оба они состав-

вляють двухъ противоположныхъ: внутренняго челоѣка и внѣшняго. Они соединяются, живутъ и дѣйствуютъ одинъ въ другомъ, когда послѣдній подчиняется и чувству и смыслу перваго, слѣдуетъ его волѣ, какъ высшей, и чрезъ то возвышается до возможной степени совершенства и сливается съ первымъ въ одно существо. — Въ семъ то заключается необходимая причина нравственныхъ законовъ для самаго просвѣщенія.

Посему-то на поприщѣ нравственнаго усовершенствованія, столь необходимо преобразование или переходеніе постепенное, при совершеніи себя, изъ жизни Физической въ нравственную, и изъ сей, поколику возможно, въ духовную. — Посему-то чувство и смыслъ челоѣка послѣдней степени, для перваго и втораго, не понятны, не вѣроятны, сомнительны и даже кажутся ложны. Посему-то Кантъ признался, что въ свѣрхъ естественныхъ вещахъ разумъ ничего самъ собою открытъ не можетъ.

Изслѣдованіе сіе ведетъ къ заключенію, что Вѣра и Любовь суть единственные средства къ достиженію истинныхъ познаній и къ обращенію ихъ въ чувство. Всѣ же прочія познанія, не дѣйствующія на сердце, не имѣють важности: истинны онѣ или ложны; ибо цѣль, для которой они нужны, остается безъ исполненія.

Такимъ образомъ познанія можно раздѣлить: на познанія ума и познанія сердца.

Познаніе ума состоитъ въ образахъ предметовъ и есть образное, мертвое. — Познаніе

сердца состоятъ въ чувствахъ, производимыхъ самыми предметами и *есть опытное*; а какъ сердце есть источникъ жизни, то оно есть и *живое*. Предметъ дѣйствуетъ существенно сильнѣе, нежели его образъ. Когда я люблю, то чувство живѣе изъясняетъ сущность предмета, нежели всѣ познанія о немъ, къ торымъ только нужны для произведенія чувства.

Посему познаніе сердца есть желаніе и любовь; ибо какъ скоро сердце признаетъ что за добро, то оно уже желаетъ и любитъ. Слѣдовательно любитъ добро — значитъ познать его, обращая сіе познаніе въ чувство. Любитъ истинное добро — значитъ имѣть объ немъ истинныя познанія. — А какъ высочайшее истинное добро, или благо, есть Богъ, въ познаніи коего никакія образныя понятія ума не удовлетворительны: то нѣтъ предмета для истиннаго познанія важнѣйшаго, какъ Богъ, — и нѣтъ должностей священнѣйшихъ для наблюденія, какъ Вѣра и Любовь къ Богу, — Любовь такая, чтобы любить Его въ Немъ Самомъ, — и для Него Самаго, а не для благъ, имъ ниспосылаемыхъ; все же прочее должно любить какъ средство — только для Него и по отношенію къ Нему. —

Истина сія доказываетъ, что все то, что производитъ и умножаетъ въ сердцѣ сильное и живое чувство удостовѣренія о совершенствѣ Бога, есть добро, и добро спасительное, даже если бы оно и смѣшено еще было съ заблужденіями: напрошивъ того, все то, что препятствуетъ, или ослабляетъ

сіе чувство удосповѣренія, естъ зло, и зло пагубное.

Какъ познаніе Бога должно быть не умственное, холодное и мерзвое, но сердечное, теплое и живое; а потому и сказано, что Бога познають только любящія Его. (I. Іоан. II. 3, 4. Іоан. XIV. 23, 24).

Для чувственнаго человека недоступны высшія, сверхъ естественныя истины. Его разумъ, при всѣхъ усиліяхъ стремиться къ чему-то высшему, никакъ не можетъ переступить черты вещественной человеческой природы. Она для него все, и онъ весь въ ней. Опъ сего происходитъ невѣріе ко всему, чего чувственный смыслъ не понимаетъ. Оно дѣлается причиною того, что самоважнѣйшія истины отвергаются, какъ скоро онъ не доказывающія симъ смысломъ, — что впрочемъ весьма естественно; поелику чтобы видѣть, то надобно имѣть глаза; чтобы слышать, то надобно имѣть уши; однимъ словомъ: для каждаго чувственнаго предмета потребно свое чувство. — Равнымъ образомъ и для каждаго Метафизическаго предмета потребна своя удобопріемлемость внутренняго органа сверхъ чувственнаго. И потому чувственный человекъ судитъ о Метафизическомъ мірѣ, какъ слѣпой о цвѣтѣ, и глухой о звукѣ. Но цвѣты естъ, а слѣпой ихъ не видитъ; звуки естъ, а глухой ихъ не слышитъ. И такъ для сего нуженъ духовный внутренний органъ, или чувство зрѣнія сверхъ-чувственнаго міра, — и пока сіе зрѣніе въ человекѣ

567800

не ошироется, до шѣхъ поръ онъ не можетъ имѣть познанія о высшихъ истинахъ.

Повторимъ яснѣе мысли Канпа, который, выводя познанія на основаніи законовъ умственныхъ силъ, и, открывая, что разумъ человѣческій познавать можетъ и чего не можетъ, доказалъ, что оный въ естественномъ своемъ состояніи о сверхъ чувственномъ, духовномъ и высшемъ ничего не знаетъ, и ничего, ни по разложенію (*аналитически*), ни по сложенію (*синтетически*) узнать не можетъ; а слѣдовательно ни возможности, ни подлинности душъ, духовъ и Бога доказать не въ состояніи.

Сія есть великая и благопворная истина для нашихъ временъ, хотя Апостолъ Павелъ открылъ ее въ 1-мъ Посланіи къ Коринѣ. Гл. 2. Слп. 10 — 16.

1. Она полагаетъ непремѣнныя границы чувствамъ и мечтамъ разума, опредѣляя, что и сколько предметы доставляютъ человѣческому разумѣнію; что и сколько человѣкъ собственно изъ себя дѣйствіемъ умственныхъ силъ къ сему дополняетъ.

2. Означая границы, до коихъ разумъ простирается, представляетъ въ ясномъ свѣтъ потребность и божественность Откровенія, когда доказано всѣми опытами всѣхъ вѣковъ, что для человѣческаго разума недоступно все сверхъ чувственное, что онъ безъ Откровенія не имѣлъ бы никакого вѣрнаго источника, откуда могъ бы почерпать истинныя познанія о Богѣ, о духовномъ мірѣ, о душѣ и о безсмертіи ея: слѣдовательно совершенно не

возможно было бы ему не только знать, но даже что либо о семъ воображать.

Совершенно справедливо, что съ новыми чувствами получаемъ мы новыя познанія о предметахъ, подобно какъ глазъ, усиливая чувство зрѣнія стеклами, видитъ до того имъ невидимое. Сіи предметы существуя, могутъ существовать, и не бытъ нами примѣнены за неумѣніемъ обратишь въ способность удобопріимляющаго органа, или за испребленіемъ онаго. — Цвѣты есть, но ихъ слѣпой не видитъ; звуки есть, но глухой ихъ не слышитъ. — Недоспашокъ сего заключается не въ предлежащемъ, а въ подлежащемъ удобопріимляющемъ органѣ. Съ раскрытіемъ новаго органа, мы новое видимъ, новое слышимъ, новое познаемъ, новое чувствуемъ. Духовный міръ невидимъ для насъ попому, что въ насъ не раскрытъ пошъ органъ, который можетъ дѣлать его видимымъ. Съ раскрытіемъ сего новаго органа вдругъ подымается предъ нами завѣса: непроницаемый покровъ снимается, являющся новый міръ и мы переселяемся изъ спраны явленій, въ спрану истины... Единъ Богъ есть прямая Истина, прямое Существо — единъ Онъ есть Сый.

Такъ должны мы имѣть чистый, Божественный свѣтъ, чтобы познавать прямо чистыя, духовныя и Божественныя истины. Собщеніе свѣта сего есть особенная милость Божія или *благодать*. Къ ней не способны тѣ, которые не любятъ Бога, и мало способны тѣ, которые его мало любятъ.

Такъ любовь къ Богу становится един-
ственнымъ средствомъ къ Богопознанію и
Божественному просвѣщенію. Такъ все время
жизни нашей должны мы употребить для
любви Бога и для бесѣдованія съ Нимъ въ
сердцѣ нашемъ, которое есть *единое на по-
требу*, и которое можетъ насъ довести къ
истинному просвѣщенію, когда угодно Ему
будетъ, по вѣрѣ (*) и любви нашей наполнивъ
насъ Самимъ Собою и дамы узнаемъ Его опытно.
Умственные познанія, давая получаемымъ
и производимымъ изъ нихъ свои формы, и
побуждая разумъ опровергать все то, что съ
его образами не сходно, производятъ, невѣріе.
Посему-то Спаситель укорялъ за невѣріе
Іудеевъ, и называлъ блаженными не видѣвшихъ,
но вѣрующихъ. — (Марк. XVI. 14. Іоан. XX. 29)
Посему-то Соломонъ сказалъ о всѣхъ, мечта-
ющихъ о высокомъ своемъ просвѣщеніи и
остающихся произвольно въ невѣденіи о Богѣ
(Премуд. Солом. XIII. 1): *Суетни вси челоуѣцы
естественны, въ нихъже обрѣтается невѣденіе
о Богѣ.*

О

непосредственнымъ Богопочитаніи.

Главнѣйшіе способы, опредѣляющіе въ явле-
ніяхъ истинно-нравственной жизни челоуѣческой
страхъ Божій.

13.25. Главнѣйшіе, существенные способы, ко-
торые въ явленіяхъ истинно-нравственной

(*) *Вѣра есть невидимыхъ вещей обличеніе, упо-
ваемыхъ извѣщеніе.* — (Евр. XI. 1.)

жизни человеческой опредѣляютъ страхъ Божій, какъ непосредственное почитаніе и любовь къ Богу, суть: *благоговѣніе, молитва, смиреніе, упованіе, присяга*, соспавляющія вообще *благогестіе*, т. е. *Религію*, или *Богочитаніе*.

Благоговѣніе.

Благоговѣніе называется по высокое возбужденіе духа, которое рождается въ душѣ нашей изъ размышленій о Богѣ, его совершенствахъ и Божественныхъ истинахъ. — Истинное благоговѣніе основывается: 1) на непреспанныхъ убѣжденіяхъ ума и сердца въ Божіей премудрости и святости, усмаприваемыхъ ясно изъ наблюденій природы и человеческой жизни, подтверждаемыхъ Откровеніемъ; 2) на непреспанныхъ убѣжденіяхъ ума и сердца въ благости Промысла и безпредѣльной Любви Божіей къ роду человеческому, оказанныхъ и оказываемыхъ Небеснымъ Творцемъ своему шворенію чрезъ природу, чрезъ Откровеніе, а особливо чрезъ едиnorodнаго Сына Своего Господа Спасителя Нашего Иисуса Христа. Такое благоговѣніе имѣетъ самое благошворное дѣйствіе на совершеншование человеческой природы. Оно укрѣпляетъ и возвышаетъ душу. Оно утверждаетъ въ подвигахъ добродѣтели. Оно облегчаетъ горести жизни, и готовитъ чистѣйшія и благороднѣйшія радости.)

Молитва.

(Размышленія, рождаясь въ душѣ нашей о премудрости и святости Божіей, и обра-

В. 24.

68

щаяся въ убѣжденіи ума и сердца о Его Все-
 благомъ Промыслѣ и безпредѣльной Любви къ
 своему творенію, возраспающъ и возвышающа
 до благоговѣнія, кошорое, согрѣвая и наполняя
 собою душу, преобразуется въ живѣйшее
 чувство сердца, имѣющее непремѣнную по-
 требность излишья предъ безконечнымъ
 виновникомъ сего блаженнаго соспоянія сво-
 его, — стремиться къ Нему, — подобно какъ
 благость имѣетъ потребность изливаться и
 сообщать себя другимъ. Такое блаженное со-
 спояніе души и сердца называется *молитвою*.

Молишва есть возношеніе нашего сердца
 къ Богу, Премудрому Творцу, Всеблагому и
 Всемогущему Хранителю бытія нашего и всего
 видимаго и невидимаго. — Она также соспоинтъ
 въ благоговѣніи, поколику источникомъ ея
 бывающъ благочестивыя мысли, переходящія
 въ чувство сердца. Но благоговѣніе сіе въ
 особенностяхъ называется *молитвою* или *моле-
 ніемъ*, если относится къ потребностямъ
 нашимъ или другихъ, или соспоинтъ въ спре-
 мленіи сердца къ изліянію благодарности за
 оказанныя Богомъ благодѣянія. Изъ сего слѣ-
 дуется, что при всѣхъ нашихъ къ Богу моле-
 ніяхъ, мы не только должны заботиться
 представлять Всевѣдущему Отцу наши по-
 требности и желанія оныхъ или спараться
 преклоняющъ всевящую волю Его къ отвра-
 щенію отъ насъ всего намъ пропивнаго,
 сколько во всякой нашей молишвѣ должны
 изображать въ сердечномъ изліяніи живѣйшаго
 чувства совершенной нашей во всемъ отъ
 Бога зависимости, и сыновней нашей къ Нему

любви, дабы чрезъ шо сдѣлаться болѣе и болѣе достойными Любви и благоспи Небеснаго Отца.

Единственнй образецъ истиннаго моленія оспавиль намъ Небесный Нравоучитель, во время земной своей съ нами жизни, въ молишвѣ: *Отче нашъ*, заключающей обильнѣйшй источникъ благочеспивыхъ мыслей и высокыхъ чувспвъ сердца для всѣхъ и каждаго по собспвеннымъ его пошребностямъ, и по собспвенному расположенію духа.)

В. 25 *Смиреніе.* 69.

(Благодѣтельное слѣдспвіе молишвы производитъ *смиреніе* — новое достоинство нравспвеннаго совершенствованія человѣческой природы. *Смиреніе* еспъ искреннее признаніе собспвенной своей слабости и недоспапковъ. Признаніе своихъ слабостей и недоспапковъ заспавляетъ ближе разсмапривать самого себя въ нравспвенномъ соспояніи и искапъ способовъ къ пріобрѣтенію высшей помощи и силъ для исправленія своихъ несовершенспвъ. — Въ сей степени нравспвеннаго совершенствованія, смиреніе обращается въ живѣйшее чувспво совершенной зависимости нашей опъ Бога, и добровольное покореніе себя подъ всѣ законы и судьбы Его, превышающія всякое человѣческое разумѣніе. — Оно должно сопупспвовать насъ чрезъ всю жизнь нашу, а особливо въ спраданіяхъ и напаспяхъ: ибо на каждомъ шагу ежедневный опытъ жизни убѣждаетъ, сколь пагубно упрямспвовать безразсудному предъ мудрымъ, слабому упор-

ствоватъ предъ Всемогущимъ; на каждомъ шагу открываетъ, что мы всѣ силы и способности теорисъ что-либо полезное, доброе и изящное имѣемъ отъ Бога.

Оно, предаваясь съ совершенною покорностію волѣ Божіей, и питаясь надеждою, облегчаетъ всѣ тяжесты жестокихъ превращеній жизни, и подкрѣпляетъ терпѣніемъ и довольствомъ, какъ естественнымъ слѣдствіемъ увѣренности, что все направляется къ благимъ и премудрымъ концамъ по вѣчнымъ законамъ Всемогущаго.)

10. 13.26

Упованіе.

(Смирненіе производитъ упованіе на Бога, которое сослуживаетъ въ живомъ убѣжденіи, что все устроится Всеблагимъ Промысломъ Творца къ лучшему во благо всѣхъ разумныхъ Его швореній. Кто достигаетъ степени упованія на Бога, поспѣ съ благоговѣніемъ, возрастающимъ до молитвы, со смирненіемъ, ведущимъ къ упованію, разсматриваетъ и обращаетъ въ свою пользу прошедшее, съ покорностію и терпѣніемъ пользуется настоящимъ, и съ упѣшеніемъ ожидаетъ будущаго. — Истинное упованіе на Бога должно быть: 1) *Всеобщее* безъ всякаго изысканія; ибо Богъ сколько Премудръ и Всемогущъ, столько Святъ и Праведенъ. 2) *Благоразумное*, т. е. что мы не всегда должны ожидать отъ Бога помощи сверхъ естественной, а паче по законамъ мудраго его міроуправленія. — 3) *Твердое и непоколебимое*, которое не прерывалось бы чрезъ неожиданныя событія, но при сы-

новней преданности, утверждалось бы болѣе и болѣе, даже чрезъ самыя опасности, и ими оживлялось. Противуположныя чувства упованію на Бога производящъ: *недоверіе, грезмливое безпокойство и смущеніе духа*, и наконецъ унижающее достоинство человѣческой природы *малодушіе*.)

23. 27

Присяга.

71.

(*Присяга* есть одинъ изъ полезнѣйшихъ способовъ къ удержанію себя *въ страхъ Божіе*. *Присяга* есть утвержденіе какой-либо истины, или обѣщъ, къ соблюденію обязанностей, произносимый съ торжественнымъ призываніемъ во свидѣтеля и споспѣшествователя Всевышняго и Правосуднаго Бога. А потому присяга не только позволительна и для всѣхъ полезна, но для многихъ даже необходима, починительна и сообразна съ духомъ Св. Евангелія. 1) *Она позволительна* потому, что опъ свободной воли каждаго чловѣка зависить къ утвержденію истины и къ соблюденію своихъ обязанностей употребляя въ способы и высочайшія побужденія. 2) *Весьма полезна*, а для многихъ даже необходима потому, что при обыкновенной легкомысленности, слабости и несовершенства чловѣческаго, гражданское общество не имѣло бы твердаго основанія. 3) *Почтительна* потому, что не можетъ быть нарушена безъ лишенія благодати Божіей и достоинства чловѣческой природы. 4) *Сообразна съ духомъ Евангелія* потому, что утверждена примѣрами самаго Спасителя и Его Апостоловъ. Противу

гнушенности клятвопреступленія справедливо вопиють единогласно: разумъ, Св. Писаніе и вся Исторія человѣческа. Ибо клятвопреступникъ явно показываетъ, что онъ не вѣришь ни Богу, ни добродѣтели, — и не спрашивая праведнаго суда Божія. — Спернъ двумя черпами рѣзко изобразилъ и жалкое соспояніе души клятвопреступника и отношеній его къ Богу и человѣчеству, сказавъ: *мать — знаютъ бояться людей и не бояться Бога.*

Такое соспояніе клятвопреступника, унижающее человѣчество, доказываетъ, что превратное самолюбіе есть единственнаго правило его воли, что общая безопасность и благо человеческого общества для него ничего не значить. Слѣдовательно весьма естественнаго, что клятвопреступникъ, чрезъ самовольное нарушеніе гражданскихъ обязанностей, лишается вмѣстѣ и всѣхъ правъ Гражданина. И попому-то безчестіе есть естественное высшее наказаніе, какъ неизбежное слѣдствіе клятвопреступленія, которое у многихъ народовъ въ древности и въ наше время увеличивается бывающъ еще жестокими мученіями.)

Благочестіе вообще, т. е. Религія или Богопочитаніе.

Съ непосредственнымъ Богопочитаніемъ неразрывно соединено *благочестіе вообще, т. е. любовь къ Религіи*, составляющей Богопочитаніе, — любовь къ познанію и соблюденію всѣхъ обязанностей, къ Религіи относящихся — какъ заповѣдей Божіихъ.

Любовь къ Религіи обнаруживается: 1) *Въ отношеніи къ самому себѣ, а) если прини-*

маемъ живѣйшее участіе въ истинахъ, Религіи и Богопознаніи, в) если сердечно стараемся исправить и распространить болѣе и болѣе познаніе наше о Богѣ и Его святой волѣ, с) если чрезъ сія познанія наши въ Религіи стараемся исправить свое сердце, и наконецъ d) если дѣлаемъ должное употребленіе изъ всѣхъ тѣхъ средствъ, какія намъ доставляютъ вѣроисповѣданіе, въ копоромъ живемъ.

2) *Въ отношеніи къ другимъ* любовь къ Религіи обнаруживается: а) чрезъ уваженіе, или по крайней мѣрѣ чрезъ снисходительность къ тому, что у другихъ почищается за святоство, и можетъ въ нихъ возбудить благочестивыя мысли и чувства; в) чрезъ стараніе распространить и возвысить ихъ познанія къ Религіи относящіяся, и способствовать къ ушверженію между ими истинной нравственности; с) чрезъ усовершенствованіе нравственно — благочестивыхъ заведеній вообще и въ частности. — Сіе произведено быть можетъ посредствомъ образованія Духовенства, посредствомъ умноженія и улучшенія школьнаго ученія, и посредствомъ обращенія всего того, что рождаетъ и питаетъ легкомысліе относительно Религіи.

Сей любя къ Религіи противны и пагубны для людей, стремящихся къ нравственному совершенству: 1) *Утаеніе собственнаго своего убѣжденія* и лучшаго познанія въ Религіи по причинѣ страха или угожденія другимъ, особенно высшимъ; по причинѣ ложнаго и безразсуднаго стыда, чтобы не прослыть слабоумнымъ простякомъ, или отъ робости,

уважающей общее мнѣніе. 2) *Равнодушіе* относительно негесіа и пороковъ; особливо когда видимъ, что развращеніе нравовъ дѣлается общимъ. 3) *Отреченіе* отъ вѣроисповѣданія своего не на свободномъ убѣжденіи сердца, но на внѣшнихъ причинахъ основаннаго. 4) *Пристрастное* осужденіе другихъ вѣроисповѣданій, особливо въ Христіанствѣ, — страсть къ словопреніямъ, неперпимосшь и проч.

Высшая степень любви къ Религій, которая обнаруживается чрезъ постоянное спараніе возбуждашь подобныя чувства, какія пишаемъ законнымъ образомъ въ другихъ, называется *благочестивою ревностію*. Числопа ея состоишь въ слѣдующемъ: 1) если, будучи чужды всякаго приспастія и корыспи, спараемся распроспранять испину посредствомъ дѣйспивштельнаго ученія и наспавленія. 2) Если, будучи чужды духа паршіи, со всѣмъ челоѡколюбіемъ постуспаемъ съ заблуждающими въ томъ увѣреніи, что и мудрыіііе не свободны отъ погрѣшностей.

О

посредственомъ Богопочитанія.

Наружное Богослуженіе, необходимость его по благотворному вліянію на совершенствованіе нравственности.

Къ посредственному Богопочитанію принадлежашъ всѣ благочестивыя заведенія, учрежденія и дѣнія, имѣющія цѣлію умножишь и ушвердишь познаніе наше о Богѣ и о Божественныхъ истинахъ, и чрезъ благочестіе возспановишь и возвысишь нравспвенность

нану. — И пакъ сюда относяся Богослужбныя собранія, учрежденныя для общесвеннаго наставленія въ благочестіи, и для публичнаго изліянія благодареній и возношеній молитвы нашей предъ Богомъ. Высокая цѣль и благошворное дѣйствіе таковыхъ собраній очевидны. Здѣсь вообще достойныя Богопочитатели находятъ благодатныя поученія, опосредственно важнѣйшихъ потребностей челоѣка; сильныя поощренія къ добродѣтели; высокое утѣшеніе и опраду въ скорбяхъ и спраданіяхъ жизни; обильную пищу и направление благочестію. — Здѣсь безконечная разнообразность нравовъ, спремаясь къ Единому Высочайшему началу, спановившися единымъ желаніемъ, единою волею. Здѣсь надменность — сія преобладающая спрасть къ превознесенію себя надъ другими — укрощающа и — сердце Богопочитателя исполняется истиннымъ челоѣколюбіемъ. Оно, пакъ сказашъ, раскрывается съ усердіемъ къ пріянію благодати Божіей, которая всѣхъ и каждаго въ сей жизни призываетъ къ вѣрѣ и спасенію, но призываетъ свободно, а не принужденно, — внутреннимъ и внѣшнимъ образомъ. *Внутреннимъ* чрезъ тайное движеніе челоѣческаго сердца при малѣйшей его наклонности и обращеніи къ Богоугоднымъ мыслямъ и дѣламъ. *Внѣшнимъ* чрезъ чшеніе и проповѣдь Слова Божія, — чрезъ постоянное и внимательное созерцаніе совершаемаго таинсвеннаго Богослуженія. Такимъ образомъ челоѣкъ получаетъ чудный свѣтъ Вѣры въ разумъ своимъ къ истинному познанію Бога

и недовѣдомую для другихъ силу Святаго Духа въ помощь слѣпой человѣческой воли къ дѣйствительному исполненію Закона Божія— всѣхъ Богоугодныхъ добродѣтелей—по не предложенному Христову общанію.

По сей причинѣ внѣшнее Богослуженіе есть одно изъ превосходнѣйшихъ, а потому и необходимыхъ средствъ къ нравственному совершенству чловѣка.

И такъ ничто, кромѣ болѣзней, необходимыхъ наспоительныхъ занятій, и другихъ по званію каждаго важнѣйшихъ должностей, не можешь насъ освободить отъ обязанности, на собственномъ нашемъ счастіи основанныхъ, участвовашъ во внѣшнемъ Богослуженіи. — Всякій, кто чрезъ продолжительное время не участвуетъ во внѣшнемъ Богослуженіи, обнаруживаетъ или охлажденіе сердца, или духовную гордость, или нечесіе, или жалкую безразсудность.

Христіанская церковь относитъ къ внѣшнему Богослуженію многія другія спасительныя средства и учрежденія, какъ то: *совершенство священныхъ таинственныхъ обрядовъ, празднованіе Воскресеній и другихъ дней въ воспоминаніе и наставленіе Вѣры, посты, обѣты и всѣ установленія священнослуженія*, о коихъ тоже разумѣть должно, что сказано о внѣшнемъ Богослуженіи вообще. Ибо какъ внутренняя молитва превосходитъ внѣшнюю, такъ молитва всенародная уединенную: велику общее благо, составляясь изъ частныхъ, всего предпочтительнѣе. За симъ непосредственно слѣдуютъ, какъ приготовительныя

средства, разныя часныя и домашнія Бого-
служенія, какъ по: *удиненныя и общія моле-
нія, чтеніе Св. Писанія и приготовленіе дѣтей
къ истинному благочестію наставленіемъ и
собственными примѣрами.*

II.

О

должностяхъ чловѣка къ самому себѣ,

или

о благахъ людей порознь взяпыхъ въ
самыхъ себѣ по отношенію къ нимъ
разсмаприваемыхъ.

Основаніе должностей чловѣка къ самому
себѣ заключается въ должностяхъ къ Богу,
опредѣляющихъ его назначеніе.

(Всѣ должности чловѣка къ самому себѣ
основываются на должностяхъ къ Богу: ибо
Богъ, какъ верховное начало истинно-нрав-
ственной жизни чловѣка естъ вмѣстѣ и
верховное его благо. — Посему чловѣкъ не
иначе можетъ познавать должности, относя-
щіяся къ самому себѣ, какъ познавъ предва-
ришельно свои должности относящіяся къ
Богу. — Должности чловѣка къ Богу со спо-
роны Теоретической состоятъ въ познаніи,
возведенномъ въ степень сердечнаго убѣжде-
нія, что онъ сотворенъ по образу Божиему; а
со стороны Практической состоятъ въ томъ,
что бы чловѣкъ, на основаніи познанія сего
во всѣхъ явленіяхъ жизни показывалъ себя,

поколикѣ возможно, симъ сотвореннымъ образомъ Божиимъ. Въ семъ заключается назначеніе наше, опредѣленное безконечною благоспѣію Творца, дабы мы, живя согласно сему Божественному въ насъ образу, насладились вѣчнымъ блаженствомъ. Назначеніе сіе и образъ показалъ Преплагій Творецъ первоначально чрезъ посредственное открытіе себя сотворенному разуму, — потомъ, послѣ паденія, чрезъ постепенное развитіе сего разума природою и опкровеніемъ; а наипаче чрезъ едиnorodнаго Сына Своего Иисуса Христа, который, собственнымъ примѣромъ земной своей жизни и смерти, указалъ намъ, не только путь, но и средство къ достиженію сего Божественнаго назначенія нашего.

Назначеніе человека опредѣляетъ истинное самопознаніе, на которомъ основываются нравственное уваженіе къ самому себѣ и должности къ сохраненію и усовершенствованію себя какъ со стороны тѣла, такъ и со стороны души.

Путь и средство къ достиженію Божественнаго назначенія нашего опредѣляютъ истинное самопознаніе человека, изъ котораго непосредственно произтекаетъ нравственное уваженіе его къ самому себѣ, тѣсно соединенное съ смиреніемъ въ отношеніи къ Богу, и скромностію даже до снисхожденія въ отношеніи къ ближнимъ. И такъ нравственное уваженіе человека къ самому себѣ, основанное на истинномъ самопознаніи, весьма сплочно опъ того рвенія блистать предъ

другими своими преимуществами и добродѣтелями; оно весьма оплично отъ безразсуднаго мнѣнія о собственномъ достоинствѣ или отъ той гордости, какъ въ гражданскомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, съ которыми обыкновенно сопряжено бываетъ сильное снисаніе выказывать много значущимъ свое, не рѣдко маловажное, преимущество, и тѣмъ опкрывать щеславіе, занимающееся только самимъ собою, и не справедливо унижающее достоинства другихъ въ сравненіи съ собственными.

Нравственное уваженіе къ самому себѣ равнымъ образомъ весьма оплично отъ *легкомыслія и низости*. Легкомысліе удерживаетъ человека обращать вниманіе на свои способности, свое назначеніе и добродѣтель; отъ чего происходитъ по непоспоянство въ мысляхъ и чувствованіяхъ, которое перебѣгаетъ отъ одного предмета къ другому, не держась никогда постоянныхъ правилъ ни въ мысляхъ, ни въ поступкахъ. — *Низость*, порокъ состоящій въ готовности изъ корысполубія позволять другимъ употреблять себя орудіемъ для всякой угодной имъ цѣли, и тѣмъ жертвовать въ угодность другимъ своими душевными и тѣлесными силами въ поруганіе истины и добродѣтели, въ противность внушеннаго нашего убѣжденія. — Дѣлаясь такимъ образомъ въ рукахъ другихъ орудіемъ несправедливости, или представляя изъ корысти нѣло свое самоволію и порочности, или наконецъ, ограничивая самую свободу поспыднымъ рабствомъ, мы унижаемъ себя до того, что

не только оспанавливаемъ чрезъ то нравственное образованіе наше, но и уничтожаемъ оное къ собшвенной своей гибели.

Изъ Божественнаго назначенія нашего, опредѣляющаго основанія истиннаго самопознанія и нравственнаго уваженія къ самому себѣ, слѣдующъ необходимо и всѣ должности челоѡка къ содержанію и къ усовершенствованію себя какъ со стороны тѣла, такъ и со стороны души.

74. *Сохраненіе и усовершенствованіе тѣла.*

Тѣло челоѡка есть орудіе его души.

Тѣло наше, въ которомъ Преплагій Творецъ соединилъ свое превосходство и красоту преимущественно предъ прочими тѣлами природы, безъ сомнѣнія заслуживаетъ особенное вниманіе въ разсужденіи нравственной дѣятельности нашей; ибо оно есть жилище души и необходимое орудіе въ жизни для совершенія дѣйствій ея всякаго рода. Хотя душа и стремится къ высшему, нежели, что доспавляетъ сей видимый тѣлесный міръ; однакоже при всемъ томъ она заключена въ тѣло и отъ него получаетъ побужденія и матерію для мыслей и дѣяній, которыя попомъ произрастаютъ отъ него на подобіе цѣтловъ и плодовъ. Человѣческое тѣло, какъ вѣнецъ всѣхъ земныхъ тѣлъ и видовъ, есть инструменъ, въ которомъ душа являетъ безконечное богатство существа своего въ чудесной гармоніи.

Тѣло, какъ соединеніе безконечно многихъ различныхъ силъ и свойствъ, опредѣленныхъ

къ безконечному образованію, и слѣдовательно къ сему способное, *имѣетъ необходимую потребность содѣлаться приличнымъ орудіемъ души.* Какъ приличное орудіе, тѣло имѣетъ непремѣнную нужду, чѣмъ душа наспровивала, такъ сказать, свое тѣло къ ощущенію вѣхъ ея идей, дабы оно могло слѣдовать данному ему направленію и доставить возможность дѣйствовать душѣ на внѣшній міръ. — Посему каждый человѣкъ обязанъ чрезъ упражненіе давать тѣлу своему такія способности, какія нужны для того, чѣмъ служить душѣ къ достиженію высшихъ ея цѣлей.

Поселику же цѣли сіи, по различнымъ силамъ человѣка, обращеннымъ въ различныя способности, бывають весьма различны; по и образованіе самаго тѣла не менѣе должно быть различно. — Каждый родъ жизни, каждое сословіе и самыя даже особенныя свойства тѣла дѣлаются споль различно нужными, что вмѣсто изложенія безчисленныхъ правилъ, сохраненіе и образованіе тѣла должно быть предоспавлено благоразумію и прозорливости каждаго человѣка, на основаніи познанія должностей къ самому себѣ.

Правила о образованіи тѣла.

Вообще опноительно образованія тѣла поставивъ можно слѣдующее: *способность тѣла должна соответствовать совершенству развитія души;* сіе приспособленіе не иначе какъ чрезъ продолжительное упражненіе приобрыто быть можетъ. И такъ прежде всего спарашься должно о сохраненіи здоровья чрезъ

правильный образъ жизни; чрезъ простую и укрѣпляющую пищу; чрезъ чистоту, опрятность и движеніе, и чрезъ приученіе себя къ многоразличнымъ перемѣнамъ внѣшнихъ на него вліяній, дабы, находясь въ безпрестанномъ сообщеніи и борьбѣ съ внѣшнимъ міромъ, утвердиль по возможности и съ сей стороны независимость свою и самоспоительность. За симъ не менѣе должно обращать вниманія на развитія особенныхъ тѣлесныхъ силъ, и на покореніе оныхъ волѣ души. — Сюда принадлежатъ какъ Гимнастическія упражненія, дѣлающія тѣло удобоупотребительнымъ для всякихъ внѣшнихъ отношеній, шакъ и тѣ способности, копорыя въ непосредственномъ находясь соединеніи съ высшими духовными цѣлями, *на пр.* чтеніе, писаніе, рисованіе, и другіе механическіе навыки. — Чѣмъ болѣе симъ и подобнымъ образомъ будетъ образованъ тѣло и дѣлаться зависимымъ отъ воли, тѣмъ легче сія послѣдняя будетъ въ состояніи простираеть власъ свою на внѣшній міръ и приводить въ ономъ въ дѣйствія свои намѣренія.

Сохраненіе и совершенствованіе тѣла, какъ жилища души и необходимаго орудія для совершенія ея дѣйствій въ сей жизни, содѣлываютъ его не только способнымъ соответствовать совершенству ея развитія, но и быть выраженіемъ онаго.

Такимъ образомъ тѣло, содѣлываясь способнымъ орудіемъ для возможныхъ цѣлей души, содѣлывается опредѣлительнымъ выраженіемъ

и, такъ сказаъ, яснымъ свидѣтельствомъ нравственнаго состоянія человека, внутреннихъ его чувствъ и расположений. — Для сего, съ самаго юношества, должно даваъ плъ такое направленіе, чтобы внутреннее являлось въ немъ вѣшнимъ, и чрезъ то преобразалось оно въ изящнѣйшее произведеніе искусства, какое человѣкъ только можетъ представить. — Душа можетъ напечатлѣть въ плѣ черты развитія своего такъ, что онъ какъ бы на подобіе нѣкаго видимаго очерпанія, проспираются по его поверхности. Тѣло можетъ являъ *силу и достоинство, милость и пріятность, искренность и доброжелательство*; но все сіе должно происходить изъ внутри, а не изъ вѣ, помощію искусства, которое унижаетъ все достоинство выраженія внутреннихъ совершенствъ души. Сообразное природѣ воспитаніе въ юныхъ лѣтахъ, оживленіе нравственнаго чувства, обращеніе съ откровенными и нѣжно чувствующими особами, коимъ самимъ доспалось въ удѣлъ счастливое плѣнительное плесное образованіе, могутъ способствовать къ совершенствованію нашего плъ, и доведенію его до соотвѣтственнаго значенія достоинству нравственной человѣческой природы.

Противныя сему качества происходятъ отъ нерадѣнія о нужномъ образованіи души и плъ, и обыкновенно обнаруживается, какъ *безчувствіе и тяжесть, какъ угрюмая задумчивость и худое расположение духа; какъ гордое самоугожденіе и склонность къ поношенію, къ презрѣнію, къ чувственной прихотливости, къ*

*зависти и подобнымъ порокамъ, унижающимъ
человѣчество.*

*Тѣло должно имѣть наружную пристой-
ность, даже въ отношеніи его прикрытія и
украшенія.*

Кто приучился уважать тѣло свое, какъ непосредственное выраженіе души, тотъ не оставитъ стараться и о приличномъ прикрытіи и украшеніи онаго. Такого попеченія требуетъ отъ него не только сохраненіе здоровья и благоприспособленность, но и нравственное уваженіе къ самому себѣ и другимъ. Онъ равномерно удаляясь будетъ, какъ отъ Цинической неопрятности и противнаго безвкусія, такъ и отъ безразсуднаго ищеславія, увлекающаго къ рабскому подражанію оплочающимся щегольствомъ. Одѣяніе его и убранство будучи имѣть такую опредѣленную значительность, что внимательный наблюдатель легко изъ того узнаетъ можетъ чувство его къ изящному въ природѣ, и къ приличному для челоуѣчества.

Кто безмѣрная дѣлаетъ издержки, предаваясь случайнымъ и ненужнымъ, а не рѣдко даже и противуестественнымъ прихотямъ; тотъ поступаетъ подобно жалкому скупцу, который, отказывая себѣ и въ самонужнейшемъ, разсипываетъ свое Физическое благосостояніе. Роскошь тогда особливо бываетъ противна здравому разсудку, когда переходить предѣлы способовъ издержанія соотвѣтственнаго имуществу; она перерождается въ сластолюбіе и распочительность, со всѣми гибель-

ными ея слѣдствіями. Сіе часто происходитъ отъ того, что люди чрезмѣрно цѣнятъ вышнія блага, не познавъ истиннаго человѣческаго благополучія и достоинства. — Однако же роскошь не только извинительна, но и позволительна, если чрезъ нее должно являться личное политическое величіе и достоинство въ отношеніи къ другимъ. Въ такомъ случаѣ она должна удовлетворять требованіямъ изящнаго.

Другое, къ вышности тѣла относящееся заблужденіе, состоитъ въ рабской зависимости отъ такъ называемой моды, которая безъ всякаго отношенія къ изящному и полезному, по правилу: *непрестанно перемѣнять*, *непрестанно* и *самовольно* опредѣляетъ и перемѣняетъ, не смотря на приличіе и приспосовленность. Только люди непоспояннаго образа мыслей, и прилѣпленные къ мелочамъ, могутъ сему прихотливому щегольству покорять себя безусловно.

Но, если склонность къ перемѣнамъ, произтекающая изъ естественнаго стремленія къ дѣятельности и разнообразію, поражаетъ моду, которая ведетъ къ лучшему и изящному: то столь же не благоразумно педанту оставаться при старомъ, какъ и слѣдовать слѣпо всякой модѣ, въ противоположность чувству изящнаго.

Дѣятельность и совершенство тѣла зависятъ преимущественно отъ степени нравственнаго образованія чловѣка.

Дѣятельность и совершенство тѣла преимущественно зависятъ отъ нравственнаго совершенствованія чловѣка.

Погрѣшности души бывають величайшимъ препятствиемъ въ томъ, что оно не можетъ быть послушнымъ и способнымъ орудіемъ многообразной ея дѣятельности. Больше всего вредны въ семъ отношеніи порочныя склонности, страсти и пороки вообще.

Пагубное ихъ дѣйствіе хотя и не бываетъ такъ скоро и непосредственно примѣтно, какъ дѣйствія другихъ непріязненныхъ вѣшнихъ вліяній; но за то оно бываетъ тѣмъ опаснѣе, за то дѣйствуетъ постоянно, и безпрепятственно и неизбежно разрушаетъ самое прочнѣйшее здоровье, и ослабляетъ такимъ образомъ силу всякой нравственной дѣятельности. Ибо противоположное на душу разсвоеннаго или разслабленнаго тѣла всегда влечетъ за собою пагубныя слѣдствія. Никакъ не возможно, что бы въ тѣлѣ, которое разсвоенно ядомъ порочной жизни, — постыдными чувствованіями сердца, и пожирающимъ пламенемъ низкихъ страстей, обитала сильная, мужественная и нравственнодѣятельная воля.

Къ дѣйствительнѣйшимъ средствамъ, служащимъ къ сохраненію во всей возможной крѣпости тѣла къ усовершенствованію его способностей, принадлежатъ: 1) *правильные, состоянію и званію нашему сообразные труды и занятія*; 2) *попеченія объ образованіи ума и сердца*. Впрочемъ самые даже съ великимъ напряженіемъ соединенные труды не дѣйствуютъ столь вредно на тѣло, какъ пороки: *скудость, зависть, сладострастіе* и другіе имъ подобные.

Это доказываютъ ежедневные примѣры жизни. Мы видимъ, что люди всѣхъ сословій, при весьма слабомъ здоровьи, неусыпно прудящіеся, но благоразумно провождающіе свой образъ жизни, переживаютъ другихъ, хотя и одаренныхъ природою крѣпкимъ тѣломъ, но буйно ушопавшихъ въ роскоши и чувственныхъ наслажденіяхъ. Благоразумное упражненіе тѣла и спокойное занятіе ума составляетъ истинный жизненный бальзамъ для тѣла. Здоровье души по несомнѣннымъ опытамъ сильно и благодѣтельно дѣйствуетъ на здоровье тѣла: ибо ничто столько не способствуетъ къ сохраненію его, какъ спокойствіе и веселость духа, дружелюбіе и чело-вѣколюбіе. — Безразсудная и чрезмѣрная за-божливость о земныхъ пошребностяхъ жизни распроиваетъ тѣло и душу; напротивъ того благомыслящій чело-вѣкъ, имѣя въ виду Божественное свое назначеніе, всегда и во всемъ поступаетъ сообразно назначенію своему и совѣсти, предоставляя прочее Всевидящему и Всеуспоряющему оку Провидѣнія, — и такимъ образомъ сохраняетъ спокойствіе свое равно какъ въ дни благополучные, такъ и неблагополучные.

Величайшая польза сохраненія и совершенствованія тѣла открывается уже изъ того, что ни владычество наше надъ природою, ни образованіе ея безъ того не возможны, — и что душѣ, достигшей высшей степени образованности, для надлежащаго дѣйствованія, столько же пошребны крѣпость и ловкая гибкость тѣла, сколько они необходимы для

всякаго матеріальными предметами занимающагося человѣка. Обработываніе земли, произведеніе и совершенствованіе всѣхъ отраслей народной промышленности, удовлетворяющей всѣмъ потребностямъ жизни, и возводящей оную на степенъ гражданскаго благосостоянія, суть необходимыя условія усовершенствованія человѣческаго рода, пребудущія приобщенія чрезъ упражненія способностей плѣа. Чрезъ сіе мы находимъ возможность съ пользою посвящать себя наукамъ и искусствамъ, заниматься воспитаніемъ юношества, государственнымъ правленіемъ и служеніемъ церкви, что безъ сохраненія плѣснаго здоровья и доведенія всѣхъ плѣсныхъ способностей до совершенства, не возможно.

Жизнь Физическая не есть собственно благо безусловное, а только средство къ оному; но выводимое изъ сего слѣдствіе, что самоубійство, равно какъ и поединки позволительны, должно и слѣдовательно пагубно.

Впрочемъ сколь ни много блага заключаетъ въ себѣ жизнь Физическая, однако благо сіе не есть благо безусловное. Прожить, на пр. многіе годы въ совершенномъ здоровьѣ, не составляюща еще само по себѣ никакого достоинства. Вся цѣна и достоинство жизни Физической, со всѣми ея совершенствами, зависитъ единственно отъ того, поколику служивъ она основаніемъ и средствомъ нравственной дѣятельности къ достиженію высшихъ цѣлей, относящихся къ Божественному нашему назначенію. Посему во всѣхъ плѣхъ

случаяхъ, въ которыхъ достиженіе высшихъ благъ не иначе возможно, какъ съ нарушеніемъ жизни Физической и ея совершенствъ, она переспаешъ бытъ благомъ — и мы обязаны жертвовать оною. *На примѣръ:* Когда дѣло идетъ о сохраненіи святоспи истины, внутренней чести, любви къ Опеческву, о защитѣ Вѣры, Престола и законовъ. По сей-то причинѣ пожертвование собственною жизнію, для достиженія другихъ безусловныхъ цѣлей, всегда почипалось и почипаешся величайшимъ достоинствомъ челоука и явственнмъ доказательствомъ возвышенности его предъ всѣмъ земнымъ и относителнымъ.

Истина сія подтверждается даже самымъ чувствомъ, что жизнь Физическая сама по себѣ не имѣетъ никакой цѣны и достоинства, а должна служить только средствомъ къ достиженію высшихъ цѣлей. Но къ несчастью она была поводомъ къ ужасному заблужденію, которое и по сіе время многими еще обладаетъ. Изъ сей истины выводятся ложное, и слѣдовательно весьма пагубное заключеніе, будто въ нѣкоторыхъ случаяхъ не только позволительно, но и должно по нравственной обязанности добровольно причинять себѣ смерть или убить себя, представляя, что если совершенно не позволено ни въ какихъ случаяхъ добровольно убить себя, тогда не было бы позволено и подвергнуть себя опасности ни для какихъ нравственныхъ цѣлей, и тогда жизнь Физическая была бы благо безусловное. Такое мнѣніе о позволительности свободнаго самоубійства подтверж-

даютъ еще тѣмъ, что въ Библии не сказано о томъ ничего рѣшительнаго. Для сего единственнѣйшѣмъ случаемъ, въ которомъ, по ихъ мнѣнію, свободное самоубійство не только позволено, но и составляетъ нравственную обязанность человѣка, представляющѣе такое состояніе, когда нравственное достоинство человѣка, произтекающее изъ Божественнаго его назначенія не иначе можетъ быть сохранено, какъ чрезъ свободное прекращеніе жизни своей, а именно: если человѣкъ самъ по себѣ, или жестокою судьбою, или внѣшними силами принуждаемый, долженъ дѣйствовать проповѣстно Божественному назначенію. Слѣдовательно въ такихъ случаяхъ физическая жизнь его перестаетъ быть орудіемъ истинно нравственной жизни, а напроповѣдшого служить только къ уничтоженію достоинства человѣческаго, какъ въ самомъ себѣ, такъ и въ другихъ.

Какъ самое мнѣніе такъ и выводимыя заключенія весьма ложны по слѣдующимъ причинамъ: 1) что подвергать себя опасностямъ и жертвовать такимъ образомъ жизнью, есть совершенно отличное дѣйствіе человѣка отъ свободнаго и собственнаго самоубійства. 2) Что если и принять, что Св. Писаніе не говоритъ въ семъ отношеніи ничего рѣшительнаго, однако нельзя сказать, что бы Библия одобряла гдѣ либо добровольное лишеніе себя жизни, а молчаніе въ семъ разсужденіи предполагаетъ совсѣмъ проповѣстное; поелику совершенная преданность волѣ Божіей, пропо-
вѣдуемая въ Христіанскомъ Нравоученіи, ни-

какъ несомѣстна съ добровольнымъ прекращеніемъ жизни. 3) Чпо представляемый защищающими сіе пагубное мнѣніе подлинно единственныи случай, въ копоромъ полагають они позволительнымъ лишеніе жизни, совершенно не возможенъ пошому, чпо нравспвенное достоинство челоѣка, имѣющее пребываніе свое въ его сердцѣ, никакою внѣшнею силою не можетъ бытъ у него опъемлемо. Оно неприкосновенно внѣшнимъ силамъ. Чпо же касается до того случая, въ копоромъ челоѣкъ жестокою судьбою, по ихъ мнѣнію, доведенъ бываетъ до толикой степени нравспвеннаго развращенія и ожесточенія сердца и воли, чпо не можетъ имѣть ни малѣйшей надежды къ исправленію себя: то подобный образъ мыслей самъ по себѣ противорѣчитъ нравспвенности Хрисіанской, ибо не возможно доказать, чпобъ были такіе случаи въ челоѣческой жизни, въ копорыхъ бы благоспъ Провидѣнія совсѣмъ оспавляла челоѣка, или такое его развращеніе, въ копоромъ челоѣкъ не имѣлъ бы уже способовъ къ своему исправленію. Напротивъ ежедневные опыты жизни доказываютъ намъ шому противоположное. Самовольное въ семъ случаѣ прекращеніе жизни не только не служило сохраненіемъ нравспвеннаго нашего достоинства, но совершенно пресѣкаетъ всѣ возможныя къ оному способы и средства. Такія оспроты нынѣшнихъ защитниковъ свободнаго самоубійства опъываются еще духомъ временъ языческихъ, когда внѣшняя честь и слава въ

общемъ мнѣніи заслупала мѣсто внушренней и истинной.

Съ сей почки зрѣнія надлежитъ судить и о поединкѣ, которъй также многими защищается, пошому что истинную честь дѣлаетъ зависимою отъ личныхъ мнѣній. Всякій самовласный поединокъ прошивенъ истинной нравственностіи; хопя онъ изобрѣшаетъ въ образъ мыслей, поражаемыхъ духомъ времени, нѣкоторое для себѣ оправданіе, основанное всегда на мищеніи за ложное мнѣніе о чести, однакожъ несомѣстность его съ истинною нравственностію ни мало чрезъ то не прекращается. Чрезъ поединокъ ни нарушенная честь не возстановляется, ни невинность доказана бытъ не можетъ. Виновный равно какъ и не виновный подвергается себѣ одинакой опасности; и слабѣйшій, можетъ бытъ вмѣстѣ и невинный, часто долженъ покорить себя сильнѣйшему. Безразсудно думаютъ, что будио чрезъ опважный поступокъ можно возстановить нарушенную честь свою. Психологически разсмапривая поединки, напрошивъ того видѣтъ можно, что основаніемъ ихъ служишь, большею частію, какая то увлекающая склонность къ опмищенію и къ позволенію себѣ въ частной жизни того, что дѣлають только цѣлые народы. Это не всегда бываетъ знакомъ великодушія; а напрошивъ не рѣдко произпекаетъ изъ робкаго опасенія бытъ презираемымъ другими, и изъ слабости, не смѣющей опспуишь отъ общихъ предразсудковъ. На такіе слабые умы не иначе дѣйствовашъ можно, какъ чрезъ воспитаніе и

бдительный строгій надзоръ Правительства до тѣхъ поръ, пока удостовѣреніе въ истинной чести сего рода не содѣлаешь сіи мѣры лишними.

Переспанемъ, обманывая другихъ, обманываясь самихъ себя.

Ложное мнѣніе о чести, основанное на желаніи возвышаться и господствовать, есть добродѣтель, какъ скоро она имѣетъ источникомъ своимъ благородное побужденіе вѣрнѣе и обширнѣе способствовать счастью ближнихъ. Но къ несчастію сіе чувство чести обыкновенно бываетъ спремленіемъ гордости и невѣжества, которыя предоставляютъ себѣ благополучіе неразлучнымъ съ высокими почестями. Для избѣжанія сего предразсудка весьма полезно наблюдать тѣхъ, которые алчущъ возвышаться, и изслѣдовать: что думаютъ объ нихъ независимо отъ ихъ почестей?

Еще полезнѣе спрашивать самого себя: надобно ли возвышаться надъ другими и для чего? Чтобъ быть отъ нихъ почишаемому и уважаемому. А что доставилъ мнѣ это почтеніе и уваженіе? Они для меня лишны. Но какъ могутъ они мнѣ быть лишны, если я обязанъ симъ не самому себѣ, а только возвышенію своему и случаю, который мнѣ его доставилъ?

Если будемъ разсуждать такимъ образомъ о всѣхъ нашихъ спраскахъ; если будемъ опдавать себѣ опчетъ во всѣхъ желаніяхъ нашего сердца; если будемъ достигать до ихъ источника, и разсматривать ихъ цѣль:

то весьма мало останется мнимыхъ необходимыхъ, которыхъ бы мы не были въ состояннн мало по малу испребишь.

Управляемые общими предразсудками честолюбцы снѣдаются въ тайнѣ сокрушеніемъ, не доспигая своихъ намѣреній. Ихъ разумъ, слѣпо слѣдуя общему предразсудку, оправдываетъ внушреннія ихъ мученія, и шѣмъ увеличиваетъ оныя. Они дѣлаются жалкими спраспощерпцами. Влекутся ими — преслѣдуютъ вмѣсто дѣйспвишельности шѣнь, и попому не могутъ никогда наполнить пущопы своего сердца. Къ чему, обманывая другихъ, обманывать самихъ себя? Поприще истинной чеспи для всѣхъ открыто; испитайте ваши силы, вступите на него съ твердспію и дайте каждый самому себѣ вѣрное слово: *отнынѣ не допушу, чтобъ существовалъ на землѣ человекъ меня честнѣе.*

Усовершенствованіе душевное или образованіе ума и сердца.

Усовершенствованіе тѣлесное и душевное, есть средство къ достиженію нравственнаго совершенства.

Блага жизни Физической въ опношеніи сохраненія и усовершенспвованія шѣла имѣютъ единспвенную цѣль служить средспвомъ, къ достиженію высшихъ нравспвенныхъ цѣлей человекъ. Всѣ нравспвенныя цѣли человекъ произтекаютъ изъ назначенія душевной его природы; а попому образованіе и усовершенспвованіе духовное, соспавляя главнѣйшую

должность человека къ самому себѣ, преимущественно для сего требуетъ отъ него всего его вниманія. Усовершенствованіе душевное на каждомъ шагу жизни убѣждаетъ человека, что блага душевныя столько же превосходящъ всѣ блага жизни Физической, сколько все небесное превышаетъ всего земнаго. Безпредѣльна благость Провидѣнія къ своему творенію. Какъ открываетъ оно человеку все, что только можетъ служить къ сохраненію и усовершенствованію Физической его жизни подъ всякимъ небеснымъ поясомъ: такъ и къ достиженію душевныхъ благъ доставляетъ ему всѣ способы и средства, въ немъ самомъ и внѣ его находящіяся. И если не всѣмъ людямъ, по различнымъ ихъ направленіямъ къ своему назначенію, доставляясь въ удѣлъ всѣ душевныя блага, какъ *на пр.* науки, изящныя искусства, обращеніе душевныхъ силъ въ способности и доведеніе ихъ до совершенства: то они не имѣютъ ни малѣйшей причины ропсать въ томъ на Провидѣніе. — Напрошивъ, если мы покоримъ себя неисповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ, то находимъ совершенное утѣшеніе въ томъ убѣжденіи, что приобрѣтеніе высочайшихъ душевныхъ благъ, состоящихъ въ благочестивой и добродѣтельной жизни, производящей небесное спокойствіе и наслажденіе, никому изъ смертныхъ не преграждено. Это общее всѣхъ благо, и при томъ такое, чрезъ которое всѣ душевныя силы, обращаемыя въ душевныя способности, единственно могутъ содѣлываться вѣрными средствами къ достиженію истин-

наго блага. Безъ сего начала жизнь человѣческая представляется такую пещеру высококаго и низкаго, утонченнаго и грубаго, счастливаго и несчастнаго, что приводитъ въ недоумѣніе, чѣмъ считалъ ее: добромъ или зломъ? Съ симъ началомъ благочестіе и добродѣтель сплывающія общимъ достояніемъ всего человѣчества. Можно найти неспособныхъ къ наукамъ и искусствамъ, но не возможно найти людей неспособныхъ къ благочестію и добродѣтели. Какая безпредѣльная благость Провидѣнія, содѣлавшаго все необходимое и существенное для счастья нашего въ насъ самихъ, и не труднымъ, а все прочее внѣ насъ, и труднымъ! Все необходимое дано, все нужное опредѣлено снискивать! Что было бы, еслибъ сіи основанія счастья человѣческой жизни зависѣли отъ времени и мѣста, отъ власи другихъ? Еслибъ они единственно заключались въ почестяхъ, въ богатствѣ, въ наукахъ, искусствахъ, которыя сославляли бы цѣль, а не средство къ онымъ?

Усовершенствованіе душевное состоитъ въ образованіи внутренняго чувства, разума и воли.

1329. (Высочайшая и вмѣстѣ единственная цѣль всѣхъ душевныхъ силъ, обращенныхъ въ способности, состоитъ въ томъ, чтобы онѣ служили средствомъ совершенствованія воли челоѣка и тѣмъ способствовать къ достиженію Божественнаго его назначенія. Для сего хотя каждая можетъ производить сіе дѣйствіе своимъ особеннымъ образомъ; однакожъ

всѣ онѣ вмѣстѣ должны содѣйствовать къ достиженію верховной цѣли человѣка. А потому всѣ приобретаемыя свѣдѣнія, всѣ составляемыя изъ нихъ науки и искусства, подобно испочникамъ, изъ разныхъ странъ текущимъ, должны сливаться въ сію единую почку. По сей-то причинѣ ни одну изъ нихъ не должно оставлять въ пренебреженіи и ни одну не предпочитая исключительно, какъ только по степени ея содѣйствія на нравственные совершенства и достиженіе Божественнаго назначенія. По сей-то причинѣ всѣ душевныя силы, обращенныя въ способности и приведенныя въ совершенство, только въ соединеніи своемъ представляющъ образъ духовно-совершеннаго человѣка, копорыя хотя сами по себѣ и нераздѣльны; однако по различному образу ихъ явленія въ обнаруживаніи своей дѣятельности, могутъ быть между собою различены, и сущь: 1) *внутреннее чувство*, 2) *способность познавательная или разумъ* и 3) *воля*.

Внутреннее чувство.

Внутреннее, живое и образованное чувство составляетъ существенное душевное благо человѣка. — Оно есть первое, силою котораго открывается намъ все истинное, доброе и изящное. — Оно осязается подпорою сихъ существенныхъ благъ и тогда, когда присовокупляется къ нему ясное объ нихъ познаніе. Надлежащимъ образомъ направленное и образованное внутреннее чувство предохраняетъ знанія и поступки наши отъ вся-

каго суетумудрія и утверждаетъ чистоту намѣреній нашихъ. Оно у большей части людей, которымъ не достается въ удѣлъ высшее умственное образованіе, заступаетъ мѣсто яснаго познанія: ибо оно познаетъ истину, дѣйствіемъ какого-то, такъ сказать, возвышеннаго инстинкта. Оно есть и послѣ глубочайшаго нашего паденія, не совсѣмъ еще погнѣшій лучъ Божественнаго, во всей полнотѣ озарявшаго насъ свѣта. Оно, по существу своему и дѣйствію, означаетъ въ человѣкѣ первое побужденіе разсудка и непрестанное направленіе дѣятельности оного къ достиженію истины. Посему оставленное въ небреженіи или ложнымъ направленіемъ испорченное внутреннее чувство, никогда совершенно не можетъ быть вознаграждено никакими другими душевными совершенствами. — Безъ него разумъ дѣлается мечтательнымъ суетумудрымъ, опаснымъ софистомъ, воображеніе теряетъ формы изящнаго, и производитъ мелочное, дурное и низкое, а воля жадною работою заблужденнаго разума и спрассныхъ желаній.

Сохраненіе и образованіе внутренняго чувства есть непремѣнная должностъ нравственная, исполненіе которой производитъ истинное душевное благо.

И такъ сохраненіе и образованіе внутренняго чувства есть непремѣнная нравственная должностъ каждаго человѣка къ самому себѣ, опъ исполненія которой произпекаетъ истинное душевное его благо. Съ самаго

малолѣтства должно предохранять его отъ всѣхъ вредныхъ впечатлѣній и направленій: ибо оно, какъ нѣжный цвѣтъ, блекнетъ отъ малѣйшаго на него плепворнаго дыханія. Съ самаго малолѣтства должно непрестанно раскрывать и оживлять его къ принятію всего истиннаго, добраго и изящнаго. Для сего весьма полезно обращаться съ людьми, исполненными подобныхъ чувствованій, которыми чужды всѣ жалкіе предразсудки и низкія склонности сердца. Весьма полезно часто наслаждаться созерцаніемъ природы, споль богатой превосходными швореніями и поучительной великими и благотворными своими дѣйствіями: ибо во всѣхъ сихъ случаяхъ внутреннее чувство наше сильно возбуждается, получаешь надлежащее направленіе и возвышается надъ всѣмъ тѣмъ, что только можешь льстивъ понкому эгоизму.

Сіе внутреннее чувство есть вмѣстѣ и внутренній гласъ, призывающій къ той дѣятельности всѣхъ душевныхъ силы, для какой онъ намъ дарованъ благостію Творца. Чрезъ него поучаемся мы познавать первоначальныя склонности и направленія ихъ; а познавая сіе, познаемъ и собственное назначеніе наше въ сей временной жизни, т. е. познаемъ званіе наше. Ибо званіе каждаго человѣка происходитъ изъ внутренняго его расположенія и направленія его, а извѣъ оно никакъ происпекать не можешь. И пошому чѣмъ вѣрнѣе человѣкъ слѣдуетъ сему внутреннему гласу, тѣмъ надежнѣе обезпечиваетъ себя отъ всѣхъ заблужденій и погрѣшностей при избраніи сво-

его званія, сознавая, что согласно и несогласно съ его природою, — что соразмѣрно съ его силами, и что оныя превышаетъ. Напротивъ, ежели онъ предается единственному внѣшнему на него дѣйствию и ожидаетъ извѣстнаго получить направленіе жизни, то неминуемо попадаетъ на множество путей ложныхъ, и принимая на себя званіе, жестоко обманываетъ другихъ, а особливо самого себя. Внутреннее чувство непременно должно сливаться съ познаніями нашими: ибо мы только истинно познавать можемъ, что заключается въ сферѣ первоначальнаго нашего внутренняго расположенія; а что къ тому не относится, того или вовсе не понимаемъ, или понимаемъ несовершенно. Наконецъ внутреннее чувство есть источникъ всякаго *согласія* (симпатія), и *противогласія* (антипатія), изъ которыхъ произтекаетъ внутреннее и внѣшнее соединеніе людей, или общежительность. Въ семъ отношеніи каждый человекъ долженъ уважать внутреннее свое чувство, оживлять его, изощрять, укрѣплять и распространять кругъ его дѣятельности; а потомъ уже слѣдовать съ увѣренностію его гласу: ибо какъ одобряемое имъ злое, такъ и противное доброе быть не можетъ.

Отличительныя черты внутренняго чувства, коими опредѣляется степень нравственной жизни человека.

Посему внутреннее чувство бываетъ пріятное или непріятное по мѣрѣ того, какъ оно соотвѣтствуетъ природѣ нашей, или ей

противурѣчишь; удовлетворяешь, или не удовлетворяешь ея потребностямъ. Какъ оно произтекаетъ или изъ чувственно-плѣсной или изъ душевно-разумной природы нашей, или изъ той и другой совокупно; а попому и можетъ быть раздѣлено: на *Эгоистическое нравственное и Эстетическое*. Совершенство нравственнаго образованія пребудетъ, чѣмбы и мысль и волю сдѣлать независимыми отъ Эгоистическаго чувственнаго удовольствія, и раскрыть первоначальное безкорыстное расположеніе ко всему истинному, добруму и прекрасному. Кто расположенъ единственно къ самости; кто не знаетъ никакого другаго зла и скорби, кромѣ чувственной боли и плѣсныхъ недоспашковъ, тотъ находится еще на самой низкой степеніи человѣческаго бытія. Кто напротивъ того привелъ себя въ состояніе чувствовать удовольствіе отъ созерцанія какого либо предмета самого по себѣ, безъ отношенія къ самости, тотъ открываетъ все достоинство возвышенія души и наслаждается Эстетическою жизнію, питаясь формами истины, добра и красоты и плѣняясь чужими совершенствами. Но высочайшая чистота чувства внутренняго является въ нравственныхъ чувствованіяхъ, относящихся единственно къ существенно Божественному, и непосредственно доказывающихъ небесное происхожденіе и назначеніе наше. Чувствованія сии, которыя опредѣляютъ нравственную жизнь человѣка, и объ усовершенствованіи которыхъ преимущественно должно стараться, суть: *чувство благости, чувство*

уваженія собственного и чужаго достоинства
и чувство стыдливости.

В. 31

Чувство благочестія.

(Чувство благочестія обнаруживается въ чловѣкѣ въ видѣ необходимой, существенной потребности его сердца; въ живомъ чувствованіи бытія и въ немъ самомъ и внѣ его существа безконечнаго, свѣтлѣйшаго. — Изъ весьма малаго числа испинъ, въ которыхъ всѣ народы безъ изьятія согласны, бытіе Бога занимаетъ первое мѣсто. Испина сія естъ даръ внушрняго чувства, а не доказательствъ. Разумъ иногда заблуждается и впадаетъ въ сомнѣніе: но чувство сердца никогда не изпребляется. Вѣки, народы и природа вѣщаютъ: *Есть Богъ!* Чувство сіе происпекаетъ единственно изъ безконечности бытія нашего. Какъ скоро раскрывается въ насъ сіе небесное чувство, то весь міръ для насъ преображается и является въ вышемъ свѣтѣ. Тогда все швореніе созерцаемъ не дѣйствіемъ слѣпаго (*) рока, но швореніемъ Существа совершеннѣйшаго, въ которомъ повсюду царствуетъ правильность и порядокъ. Чувство сіе, развивающее идею, что единъ Богъ совершенъ, а все прочее совершенно

(*) Если бы міръ былъ произведеніе слѣпаго случая, то въ немъ менѣе было бы примѣчено правильности и единства, а болѣе бы безконечной разнообразности: ибо случай производитъ только разнообразіе и никогда не можетъ сохранить послѣдственаго порядка.

только по отношенію къ Богу, проникающее все существо наше, напоминая намъ о Божественномъ происхожденіи и сродствѣ нашемъ съ Существомъ Высочайшимъ, убѣждаетъ насъ въ этой дѣйствующей на всю жизнь нашу истинѣ, что дѣйствія воли нашей должны соображаться съ волею Творца. Съ минуны пробужденнаго въ насъ сего Божественнаго чувства мы дѣлаемся способными въ дѣяніяхъ нашихъ, забывашъ самихъ себя, живъ и наслаждашъ жизнію только въ высшемъ духовномъ царствѣ, и желашъ только того, къ чему побуждаешъ насъ всеобъемлющая небесная Любовь. Сіе чувство благочестія, непрестанно питаемое, непрестанно сохраняемое чрезъ обращеніе съ людьми, водимыми спрахомъ Божиимъ, непрестанно оживляемое и укрѣпляемое чтеніемъ поучительныхъ книгъ Св. Писанія, предостерегаетъ насъ отъ самости, отъ гордаго боготворенія самихъ себя; производитъ твердое упованіе на Бога, приучаетъ быть довольными ходомъ порядка въ мірѣ, и составляетъ непоколебимое основаніе истинно добродѣтельной жизни. Человѣкъ, достигшій сего состоянія, возвышается въ размышленіяхъ своихъ до понятій о совершенствахъ Творца своего и о цѣли своего существованія, не теряя никогда изъ виду великихъ предметовъ: *пространства, вѣчности, матеріи, разума и общаго блага*, ведущихъ его къ симъ понятіямъ. *Пространство* заставивъ его необходимо чувствовашъ чрезвычайную малость земнаго шара, на копоромъ онъ живешъ, и едва примѣтный слѣдъ той ступени, копо-

рую занимаетъ онъ въ безпредѣльной лѣспвицѣ
творенія. *Вѣчность* откроешь ему безконеч-
ное послѣдованіе будущаго, и безначальность
прошедшаго. *Матерія* докажетъ ему, что
начало несовершенства всегда было въ нѣдрахъ
природы: поелику предъ нашими глазами
существуютъ споль несовершенныя творенія.
Высокія усилія и стремленіе разума, не имѣ-
ющаго предѣловъ, дадутъ ему поспигнуть,
что въ добродѣтели есть болѣе, нежели ме-
ханизмъ, болѣе нежели броженіе инстинкта.
Наконецъ *благо общее* покажетъ ему различ-
ныя возможности, чрезъ копорыя гармонія
цѣлаго можетъ пребывать нѣкопорого кажу-
щагося намъ безпорядка въ своихъ часпяхъ,
копорый чрезъ минувшее зло, достигнетъ
до начала вѣчнаго добра. И посему весьма спра-
ведливо заключили Баконъ и Лейбницъ, что
поверхность Философіи ведетъ къ безбожію,
а основательность Философіи ведетъ къ по-
знанію Бога. — Такъ, Онъ есть! — все вокругъ
насъ открываетъ Его величіе, все въ насъ
самыхъ убѣждаетъ въ Его благости. Мы Его
видимъ въ свѣтѣ, мы Его понимаемъ въ
испикѣ, мы Его чувствуемъ въ добродѣтели.
Онъ есть, Онъ былъ, Онъ будетъ, и мы съ
нимъ будемъ. — Наши души, съ неперпвнѣмъ
вырываясь изъ удерживающихъ ихъ узъ, съ
неизбѣжимымъ воспоргомъ спремѣяся къ
Нему... Онъ есть!..

*Чувство уваженія къ собственному и ту-
жому достоинству.*

Изъ убѣжденія въ Божеспвенномъ про-
исхожденіи нашемъ, еспешпвенно слѣдуетъ

уваженіе къ собственному нашему и чужому достоинству. Увѣряясь въ истинѣ, что жизнь добродѣтельная и Божественная составляетъ цѣль нашего бытія и единственное истинное достоинство наше, мы чувствуемъ расположеніе только къ добродѣтели и обращеніе отъ пороковъ, и спрашиваемъ предавать себя сему послѣднему, дабы не нарушать и не оскорблять достоинства нашего. А потому что уважаемъ въ самихъ себѣ, того не можемъ не уважать также и въ другихъ людяхъ, которыхъ мы убѣждаемся почитать нашими братьями, какъ дѣтьми одного и того же отца, опредѣленными къ одному и тому же назначенію. — Сіе уваженіе къ человеческому достоинству рождаетъ въ насъ довѣріе къ самимъ себѣ и къ другимъ, предохраня насъ отъ чрезмѣрной недоувѣрчивости и отъ низкаго ласкательства, которое нечувствительно обращается въ подлость.

Съ самоуваженіемъ и живымъ убѣжденіемъ во внутреннемъ достоинствѣ нашемъ тѣсно соединено расположеніе наше къ истинной чести. Истинная честь есть наслажденіе изъявленіемъ того высокаго уваженія, какое оказывается къ честности и добродѣтели, и весьма различествуетъ, какъ отъ ложной чести, относящейся къ мнимымъ преимуществамъ, такъ и отъ вѣнечной, состоящей въ однихъ политическихъ опличіяхъ.

Естественное расположеніе человека къ чести есть слѣдствіе изощреннаго въ немъ нравственнаго чувства, силою котораго онъ, каковъ есть, такимъ оказывается въ явленіи.

нїяхъ жизни, и по онымъ опъ другихъ по-
читается.

Бросимъ взглядъ на нѣкоторыя болѣ
рѣзкія черты явленій человѣческой жизни.

Если человѣкъ съ пагубнымъ расположе-
ніемъ къ обществу, равнодушенъ ко всему
тому, что ему вредно или полезно; если золотое
есть его первая цѣль, хитроспъ обыкновен-
ное правило всѣхъ его дѣйствій; скрытность
и приписовство есть опличительное свойство
его; если счастье другихъ его печалишь,
совершенство раждаетъ зависть, а добродѣ-
тель тайную злобу; если сердце его, чуждое
соспраданія, утѣшается несчастіями другихъ
и ищетъ продолжая ихъ: то онъ есть
чудовище, которое должно было для общаго
блага изпребѣть. И если онъ несдѣлался
неслыханнымъ злодѣемъ, то это только
потому, что ему недоспавало или силъ или
случая.

Если человѣкъ пресмыкается предъ высши-
ми и воздымается надменно надъ подчинен-
ными; если онъ предпочитаетъ обращеніе съ
людьми, которые его глупѣе, а угнетаетъ
тѣхъ, которые умнѣе его; если низкимъ
угожденіямъ и поспыднымъ ласкабельствамъ
дастъ преимущество предъ заслугами, сопро-
вождаемыми благородною правотою; если ува-
женіе его къ другимъ возрастаетъ и умень-
шается по мѣрѣ возвышенія и униженія ихъ
почестей и богатства; если дѣйствія благо-
твореній, или повѣствованіе о дѣлахъ мудро-
сти, геройства и добродѣтели не проникають
всего существа его чувствомъ благородной

готовности соревнованія и не извлекають слезъ умиленія: то онъ имѣетъ душу грубую, жестокую, поработченную безумною гордостью.

Если человекъ удерживается отъ вредныхъ склонностей единственно страхомъ наказанія, или надеждою награды настоящей или будущей: то онъ не можетъ почищаться добрымъ, а только оспороженнымъ, торгующимъ своими поступками. Небо, оцѣнивающее дѣянія людей по ихъ побужденіямъ, не даетъ имъ никакого вознагражденія; люди, судящіе о дѣйствіяхъ по послѣдствіямъ ихъ, часто обманываются; но всѣхъ болѣе обманивается въ конечныхъ своихъ расчетахъ дѣйствующій на нихъ условіяхъ!

Если обыкновенныя заботы жизни человека устремлены только къ предмету роскоши, удобства, пріятности; если нравиться другимъ есть единственное его побужденіе; если одно осуждающее слово его приводитъ въ смущеніе, а малѣйшая похвала восхищаетъ до безумія; если желаніе возвышаться происходитъ изъ побужденія: блистать, господствовать и обогащаться, а не для того, чтобы быть болѣе полезнымъ; если все его вниманіе сосредоточивается въ настоящемъ, нимало не заботясь о главнѣйшихъ предметахъ должности, въ отношеніи къ Вѣрѣ, Нравственности и наукамъ: то онъ имѣетъ самую обыкновенную душу и долженъ въ молчаніи слѣдовать въ рядъ простаго народа.

Если человекъ, пользуясь всеми выгодами жизни, проводитъ ее въ совершенной безпечности: безъ пороковъ, безъ добродѣтелей;

если занимается единственно мѣлочными обыкновеніями моды, которая спановишся общимъ мнѣніемъ и закономъ всѣхъ должностей его: то весь онъ равняется нулю!

Счастливъ, если не поотребуется опъ него опчета въ употребленіи всего того, что онъ получилъ; еще счастливѣе, если не окажется виновнымъ въ упущеніи добра, которое онъ могъ сдѣлать.

Если вы, при всей склонности къ добру, дѣлаете худо по слабости; если вы не смѣете слѣдовать своей должности изъ ложнаго уваженія къ общему мнѣнію: — вы имѣете доброе сердце; но робкое, щеславное. Вы заслуживаете нѣкоторое уваженіе, но болѣе имѣете нужды въ снисхожденіи.

Если ваши намѣренія чисты, ваши дѣйствія благородны; если общество, которое судитъ не дѣйствительность, а только одну наружность, не зная истинныхъ вашихъ побужденій, осуждаетъ васъ и обращаетъ въ смѣхъ всѣ ваши дѣйствія; и вы, удовлетворяясь внутреннимъ свидѣтельствомъ вашей совѣсти, останетесь нечувствительны къ ложнымъ объ васъ сужденіямъ, или даже имѣете силу и твердость ими забавляясь... Если презрѣніе ихъ дѣлаетъ васъ гордыми, а уваженіе скромными; если просьба васъ протѣкаетъ, а угроза вооружаетъ; если несчастье другихъ васъ огорчаетъ, а ваше собственное дѣлаетъ васъ твердыми; если опасности васъ возвышаютъ, а успѣхи утврждаютъ въ умѣренности: о! тогда вы чисты, добры, великодушны; тогда вы дѣлаете добро для добра,

составляющаго высокое наслажденіе вашего сердца, а не для славы или выгоды, которыя могутъ изъ шого произойти, и которыя управляющъ дѣйствіями людей обыкновенныхъ, не имѣющихъ никакого понятія о высокихъ нравственныхъ наслажденіяхъ.

Но это еще не послѣдній степенъ нравственнаго существа. Предположимъ, что нѣтъ ни уваженія, ни наказаній, ни наградъ; предположимъ, что нѣтъ свидѣтеля, который бы могъ одобритъ ваши дѣйствія, который бы могъ сдѣлать его извѣстнымъ; нѣтъ никакого другаго побужденія, кромѣ внутренняго чувства къ добру. Съ опасностію подвергнувшись мученіямъ и самой смерти зависитъ опъ васъ спасти опъ погибели великое число спражающихъ невинныхъ жертвъ. Решитесь ли вы на спасеніе ихъ? ваше сердце смущается, трепещетъ... и усмремляетъ васъ на поприще Божественнаго дѣянія!.. Пріимите должное уваженіе къ высочайшему усилію человѣческаго совершенства.

13. 32 Чувство стыдливости.

Чувство стыдливости есть Ангелъ Хранитель чистоты и непорочности нравовъ. Она составляетъ споль нѣжную оболочку внутренняго чувства, что чрезъ малѣйшее прикосновеніе грубѣетъ, дѣлается нечувствительною даже къ самымъ рѣзкимъ впечатлѣніямъ, даже опъ одного нерадѣнія швердѣетъ и пропадаетъ. Это термометръ внутренняго чувства, опредѣляющій степенъ его возвышенія и упадка. Стыдливость доказываетъ бы-

ііе въ насъ чего-то высшаго и возбуждаетъ сознаніе, что мы можемъ, но не должны унижать его достоинства. Въ высочайшей числотѣ она является тогда, когда человекъ спрашивается болѣе укоряющаго гласа собственной своей совѣсти, нежели вѣшняго сужденія. Тогда онъ не ограничивается одними только наружными поступками, но просираетъ наблюденія свои за всѣми намереніями души, за всѣми движеніями сердца; за дѣйствіями самаго воображенія. Стыдливость есть нѣжнѣйшая мать невинности, хранящая въ непорочной числотѣ всѣ человеческія склонности. Она подчиняетъ естественныя побужденія высшимъ цѣлямъ, не допускаетъ чувственныхъ желаній преступать предѣлы нравственности. Умѣренность, благоразумное расположеніе занятій, укрѣпленіе плѣа, усмиреніе всего того, что можетъ нарушать чувства невинности и цѣломудрія, способствуетъ къ сохраненію чувства стыдливости. И потому издѣваясь надъ чувствомъ стыдливости, есть ругаться и оскорблять въ человекѣ Божественное существо.)

Способность познавательная или разумъ.

Другой существенный способъ, которымъ обнаруживается душевная дѣятельность наша, состоитъ въ усовершенствованіи образованія познавательной способности или разума. Природа, способствуя къ развитію всѣхъ познавательныхъ силъ, открываетъ ихъ дѣйствія, съ самаго дѣйства непрестанно возбуждаемая живою любопытства. Любопытство

даетъ умственнымъ силамъ такое направленіе, какого требуютъ ближайшія наши нужды. И потому-то въ первыхъ лѣтахъ жизни видно направленіе ума единственно къ познанію свойства шѣхъ вещей, познанію шѣхъ законовъ Физическаго міра, которые необходимы къ сохраненію бытія нашего. Въ послѣдствіи направленіе ума перестаетъ быть однообразнымъ, и измѣняется до безконечности въ каждомъ мыслящемъ существѣ; отсюда происходятъ по многоразличное проложеніе путей, которые избираютъ люди для своихъ предпріятій, по разнообразію занятій, мнѣній, образа жизни. Все равно, зависитъ ли это различіе отъ природнаго расположенія, или воспитанія, — отъ вѣры, образа правленія, духа времени, мѣстныхъ потребностей; зависитъ ли сіе различіе отъ различія обстоятельствъ, побужденій, или отъ естественнаго порядка, по которому совершается послѣдственный ходъ всѣхъ вещей; конечная причина, стремленія къ совершенству, а чрезъ него къ достиженію какъ частнаго, такъ и общаго всѣхъ блага, очевидна. Симъ направленія всѣхъ человѣческихъ занятій ограничиваются и сосредоточиваются: симъ извлекаютъ всѣ общественыя выгоды изъ раздѣленій и подраздѣленій всѣхъ произведеній ума.

Посему желаніе познанія есть средство, а не цѣль. Равно какъ и предметъ голода не есть благо, а только насыщеніе; насыщеніе оживляетъ и укрѣпляетъ тѣло; оживленіе и укрѣпленіе тѣла дѣлаютъ его способнымъ орудіемъ для дѣйствій душевныхъ способно-

стей; дѣйствіе душевныхъ способностей возбуждается дѣйствіемъ познанія; дѣйствія познанія производятся любопытствомъ. И такъ предметъ любопытства есть познаніе, а не благо чрезъ него приобретаемое. Не всѣ познанія одинаковой для насъ бывають важности. Познанія шѣлеснаго, видимаго и преходящаго, служатъ только человѣку къ потребностямъ сей временной жизни, которая сама по себѣ не имѣетъ никакой цѣли, и составляетъ только основаніе приобритенія средствъ, служащихъ къ достиженію высшихъ цѣлей. Познанія сіи довольствуются частнымъ и наружнымъ. — Они наполняютъ память многими представленіями, образами и понятіями, выдаваемыми часто за ученость, и даже за самое просвѣщеніе, которое ни мало не способствуетъ непосредственно къ нравственному нашему образованію, но какъ средство служитъ къ достиженію высшихъ цѣлей: ибо всякое открытіе, всякое новое познаніе, изъ открытій составляемое, умножая сумму человѣческихъ познаній, разливаютъ свѣтъ на истины, составляющія предметъ изысканія. Напротивъ познанія невидимаго, всеобщаго, неизмѣняемаго, относятся къ вѣчнымъ истинамъ, къ истинному, доброму и изящному. Сіе единственно существенное и достойное человѣка познаніе соединитъ въ Божественныхъ идеяхъ, которыя во временномъ открывая вѣчное, въ случайномъ необходимое, сильно дѣйствуютъ на намѣренія и поступки наши. Главнѣйшіе предметы познанія суть: *Богъ, природа и человѣкъ.*

Познаніе природы.

Познаніе природы, составляющее Естественныя науки, имѣетъ предметомъ изслѣдованіе свойствъ тѣлъ вещественнаго міра, опредѣленіе котораго служитъ направленіемъ къ духовнымъ цѣлямъ. И такъ, чѣмъ бы познанія сего рода могли способствовать истинному нашему образованію, то надобно знакомиться не столько съ вѣшнимъ образованіемъ и формою тѣлъ природы, сколько съ внутреннею ихъ существенностію, съ ихъ жизнію, которая въ ней, какъ въ зеркалѣ, созерцается. Въ каждой области природы, въ каждой системѣ тѣлъ, господствуетъ Божественная идея, или соприсносущная сила Божія, изливающая благодатный свѣтъ для того, кѣмъ ее познавать дѣлается способнымъ: потому что всѣ части природы находятся между собою въ тѣсной связи, и каждая, выразительнымъ, глубокомысленнымъ безмолвіемъ, являетъ премудрость Творца своего. Отсюда происходитъ то чудесное сродство между явленіями Физическаго и Нравственнаго міра, которое представляется чувству и уму въ непосредимомъ ихъ соединеніи. Поэтъ и Философъ различными средствами, одинъ быстрымъ, восторженнымъ полетомъ воображенія, другой медленнымъ, осторожнымъ, но вѣрнымъ изслѣдованіемъ разсудка, достигаютъ всегда до открытія сей истины. Истина сія, какъ слѣдствіе прошедшаго и наступающаго, сдѣлалась нѣкоторымъ пророчествомъ будущаго. Но всего преимущественнѣе откры-

вается она въ Св. Писаніи Ветхаго и Новаго Заѣпа. Однако жъ должно остерегаться опъ искушеній изслѣдовать значеніе каждаго недѣлимаго порознь. Однѣ буквы въ частности для насъ непонятны; но соединенныя слова въ природѣ исполнены высокаго значенія.

Умъ человѣческій во всѣхъ явленіяхъ своихъ открываетъ стремленіе къ постиженію всего шого, что для него невнятно, таинственно. Стремленіе сіе доказываетъ, что умъ имѣетъ не только врожденное расположеніе, но и определенное побужденіе, простираетъ умозрѣнія о природѣ, о жизни, какъ причинѣ бытія, и о Высочайшемъ Виновникѣ онаго, по вѣчнымъ идеямъ истины, красоты и добра, составляющихъ потребность, какъ существенную пищу для познавательныхъ силъ, возносящихся до небесныхъ предчувствій. Сіи высокія, священныя умозрѣнія, наполняя всю душу, заставляють ее во всей силѣ ощущать потребность излиться въ выраженія или воображенія, или ума. Первое произвело Поэзію, второе Философскія системы. Но какъ изъ познавательныхъ силъ воображеніе, дѣйствуя живѣе, раскрывается прежде, а потому и всѣ познанія являюшся первоначально въ формахъ Поэзіи. Въ послѣдствіи умъ, достигая надлежащей степени зрѣлости, раскрывается въ Философскихъ формахъ изслѣдованія, и показываетъ съ одной стороны: сколько естественнo челоѣку, не ограничиваясь чувственностію, стремиться къ познанію высшихъ истинъ, не подлежащихъ опыту; а съ другой стороны удостовѣряетъ

въ помѣ, что человекъ, безъ высшей помощи, не смотря на всѣ усилія его ума, не можетъ постигнуть безусловной истины, и разрѣшивъ большей части ея задачъ. Одно Св. Писаніе, какъ опкровеніе Творца, ведущаго свое твореніе къ назначенію его, опредѣляетъ область и предѣлы человеческого ума. Оно открываетъ, что сотвореніе міра спойло Богу единого глагола успѣ его: *да будетъ свѣтъ и бысть свѣтъ* изъ ничего. Оно, оспавляя все чувственное изслѣдованію ума человеческого, переходитъ къ опкрытію высшей духовной цѣли, къ опкрытію всего того, что выше сферы человеческого ума. Такимъ образомъ доказывая, что опкровеніе начинается тамъ, гдѣ умъ человеческій оканчивается, оно обязываетъ его дѣйствовать вездѣ, гдѣ онъ можетъ, — слѣдовательно оно обязываетъ его развивать свои силы и пользоваться ими. Ибо не употребляя дары Бога для той цѣли, для которой они ниспосылаются, значить пропитаться Его волѣ.

Но познаніе истины и достиженіе верховнаго блага для человѣческаго есть не даръ, а спяжаніе его. А потому высокія истины опкровенія преподаются свыше такому существу, которое, при сокрушеніи сердца, имѣетъ благоустроенный умъ, приготовленный чрезъ любомудріе умозрительное. Любомудріе умозрительное, будучи естественною потребностію нашего безсмертнаго разума, непрестанно должно входить во всѣ роды человеческого познанія, преобладающіе напряженія умственныхъ силъ. Открывая предъ нами

всю нашу душу со всіми ея способностями, умозрѣніе научаетъ насъ приводить сіи способности въ высшую гармонию, и шѣмъ самымъ приготовляетъ насъ къ принятію истины. Дѣлая способными по возможности разрѣшать важнѣйшіе вопросы человѣческаго ума: о Высочайшемъ Существѣ, о челоѣкѣ и природѣ, умозрѣніе разсвѣщаетъ пошъ мракъ, въ которомъ челоѣкъ рождается въ міръ. Слѣдовательно умственное занятіе предметами, входящими въ кругъ Философіи при условіяхъ Христіанскаго смиренія есть непрѣмная обязанность челоѣчества.

Чѣмъ основательнѣе и обширнѣе приобрѣтается познаніе природы, шѣмъ тверже становится убѣжденіе въ премудрости, всемогуществѣ и благости Единого Бога, Творца ея. Но нѣтъ ничего достойнѣе вниманія, нѣтъ ничего поучительнѣе, какъ созерцанія отношеній, существующихъ между природою челоѣка и внѣшними обстоятельствомъ, въ кругу коихъ онъ помѣщенъ. Созерцаніе его всепереимчивыхъ способностей, его умственныхъ силъ, въ ихъ гармоніи съ его организмомъ и съ законами вещественнаго міра, составляютъ обширнѣйшій предметъ изслѣдованія Философскаго. Не менѣе достойно удивленія и благоговѣйной признательности по усматриваемое въ природѣ устройство, по которому всѣ окружающіе челоѣка предметы приспособлены къ возбужденію его желаній, къ удовлетворенію его потребностей, къ возвышенію его наслажденій. Въ семъ отношеніи всѣ предосторожности и заботливостъ, пред-

принятая природою для человека, превосходящая все то, что она дѣлаетъ для животныхъ. Сія очевидная разность ведетъ къ заключенію, что наше счастье и наше совершенство было главнымъ предметомъ спроектированія сего міра.

Исслѣдованія Философіи повсюду открываютъ, что вселенная управляется вѣчными законами по чертежу единого плана. По сей причинѣ всѣ произведенія, чѣмъ ближе подходятъ къ сему чертежу, тѣмъ вѣрнѣе дѣйствуютъ на сердца зрителей и слушателей, не смотря на предразсудки, воспитаніе и духъ времени: ибо они имъ напоминаютъ существованіе тѣхъ нравственныхъ *связей*, которыя соединяютъ каждого человека съ подобнымъ ему и все человѣчество съ ихъ общимъ Творцемъ. Начало, ведущее къ познанію истины, есть изслѣдованіе конечной причины. Оно служитъ основаніемъ не только во всѣхъ Естественныхъ наукахъ, но и въ изслѣдованіяхъ Философскихъ. Слѣдуя сему началу, въ Анапоміи принимается за правило, что въ тѣлѣ животного нѣтъ ничего безъ причины; и какъ скоро находятъ какую нибудь часть, которой употребленіе еще не извѣстно, то не останавливаются безъ того, чтобы не открыть, по крайней мѣрѣ, сколько возможно, цѣль, для которой она назначена. Начало сіе ведетъ къ новымъ открытіямъ, чрезъ которыя всѣ науки достигаютъ своего совершенства.

Познаніе человека.

Гораздо еще важнѣйшій предметъ познанія есть человекъ, въ которомъ соединены

всѣ красоты пвореній, и изъ котораго мы заимствуемъ всѣ познанія наши объ истинномъ, добромъ и изящномъ. Познаніе чловѣка вообще, или Исторія народовъ, Государствъ и частныхъ людей, имѣетъ ту главную цѣль, дабы предсавилъ весь ходъ, какимъ шествовалъ родъ чловѣческій въ развитіи и образованіи своемъ до той степени, до коей находимъ его нынѣ съ точнымъ показаніемъ, какъ пособій къ тому, такъ и препяпствій, въ пѣсной связи причинъ и послѣдствій, состоящихъ подъ высшимъ вѣденіемъ Промысла Божія. Слѣдовательно, какъ Физическій такъ равно и Нравственный міръ, или жизнь чловѣческаго рода естъ зеркало Божественныхъ идей, сей вѣчной премудрости, которая ближе къ намъ, нежели заключающіяся въ природѣ. Но издѣсь не должно исключительнo придерживавъсь частныхъ явленій; ибо все частное получаетъ значеніе свое, только чрезъ соединеніе съ цѣлымъ.

И такъ сумма дѣйствій раскрываетъ въ полномъ свѣтѣ картину нравовъ и силу ума, какъ основаніе оныхъ; но Исторія, повѣствуя о событіяхъ, часто не открываетъ причинъ, которая ихъ производятъ, а чрезъ то и самый ходъ событий дѣлаетъ для насъ неизвѣстнымъ, предполагая обыкновенно два современные произшествія: одно причиною, а другое послѣдствіемъ. Слѣдовательно Исторія безъ Философскихъ изслѣдованій, предсавляетъ по большей части только число событий въ ихъ послѣдствованіи, оставляя угадывать ихъ причины.

И пошому къ познанію челоѣка, какъ существа нравственна-разумнаго, опредѣленнаго къ совершенному развиію достоинства своей природы въ нѣдрахъ общественнои жизни, служипъ изученіе гражданскихъ обществъ.

Изученіе челоѣческой природы, съ изслѣдованіемъ всѣхъ тѣхъ обспоятельствъ, копорыя служили къ основанію обществъ и къ образованію изъ оныхъ гражданствъ и Монархій.

Изученіе тѣхъ началъ челоѣческой природы, на основаніи копорыхъ утверждены успѣхи постепеннаго гражданского образованія.

Начала и послѣдствія брака, нравственныя и политическія его успановленія.

Начала и послѣдствія собственности, разсмаприваемой въ отношеніи развиія челоѣческаго благополучія.

Происхождение и успѣхи искусствъ и наукъ.

Происхождение и успѣхи торговли.

Происхождение и успѣхи Государственнаго правленія; различіе власпи и подчиненія; различныя системы правленія, различныя законодательства въ отношеніи климата, вѣтшнихъ и мѣспныхъ обспоятельствъ.

Изученіе всѣхъ частей Государственнаго управленія, кои сосредоточивающся къ общей цѣли челоѣческаго блага.

Основательное изученіе сихъ предметовъ и постоянное изслѣдованіе конечныхъ причинъ оныхъ откроятъ во всей ясности, какъ достоинство челоѣческой природы, такъ и назначеніе оной.